

ТЮМЕНЬ Литературная

Газета русской

литературы и культуры

RUSSIA № 3 (91) 2007 г.

TYUMEN

Первый номер

вышел в июле 1972 г.

“ТЮМЕНИ ЛИТЕРАТУРНОЙ” –
35 ЛЕТ

Писатели, читатели, соратники!

Александр Григорьевич Лукашенко

Валентин Григорьевич Распутин

Василий Белов, Владимир Крупин,
Виктор Потанин

Виктор Иванович Рябков

Активисты первого в Тюменской области
Литературного музея в с. Окунёво Бердюжского р-на

Святые воины Егоров и Кантария

*Кто знамени присягал единожды,
тот у оного до смерти стоять должен.*

Петр Великий

Все ли началось с разрушения мятежной толпой памятника создателю истребительной силовой системы Дзержинскому в августе 91-го, когда ельцинисты рушили многонациональное Советское государство?!

Нет, все началось раньше – с разгрома православных храмов, с ликвидации памятника «белому» генералу Скобелеву в центре Москвы. И далее: снятие с пьедесталов и перезахоронение генералиссимуса Сталина, победившего Гитлера, перманентные попытки в условиях «свободы, демократии и рынка» по уничтожению архитектурного памятника, охраняемого «Юнеско», мавзолея Ленина, к подножию которого брошены фашистские знамена, гранитные контуры его вписаны в орден Победы. В этот печальный мартиролог можно вписать разрушенную Лужковым гостиницу «Москва», Манежную площадь, заселенную теперь торговыми точками барахольной эпохи, и т.д. Напрашивается вопрос: на очереди – Кремль?!

Началось с сатанинской подмены. Подлой, мстительной, сеющей хаос, бессмыслицу, оскорбление человеческих чувств. Сталинградская битва, богатырское имя которой увековечили даже парижане, у нас «происходила» в трудновыговариваемом Волгограде. Блокада Ленинграда усилиями собачков прилеплена к Санкт-Петербургу, находящемуся в Ленинградской области.

Запутались демократы-разрушители и с несчастным уральским городом Свердловском, где с ведома деятеля с характерным древнебольшевистским именем Янкеля Мойшевича Свердлова совершено ритуальное уничтожение царской семьи. Возвращенное городу имя Марты Скавронской (Екатерины), обозной жены Петра I, не принесло «дорогим свердловчанам» избавления от кровавых имен палачей России. Храм на крови, возведенный на месте дома Ипатьева, как в насмешку, высится на улице Свердлова. Окрест – «карлы», «розы», прочие «урицкие». Это накладывает определенную печать не на всех, но на многих обитателей миллионника. Город, помеченный теперь тавром «ельцин», находится в Свердловской области. Где еще в мире именами палачей называют населенные пункты и территории?!

Соратники Ельцина, недавно слетавшиеся вороньей стаей на пышные похороны вурдалака, виновные в развале Русского государства, трагедий многих народов, внедрили в РФ именно тот «исторический» триколор, который в годы войны развевался на захваченной фашистами территории СССР.

Уважая патристические чувства зарубежных русских, чувства к этому триколору, под которым их отцы и деды «боролось с большевиками», напомним непомнящим, что трехцветник ранее был обычным кормовым флагом торговых кораблей со времен Петра, далее флагом масонского правительства Керенского, принудившего Николая Второго отречься от престола, ими же, преступниками масонами, арестованного, затем их собратьями по кагалу в знак разрушения России ритуально уничтоженного.

Рушили. И продолжают рушить. Оскверняли и продолжают осквернять: память, историю, победы, завоевания.

Так что же вы хотите от «убогих чухонцев», как именовал их Пушкин, посягнувших накануне праздника Победы на Бронзового Солдата-освободителя в Таллине? Что же вы хотите, посылая из МИДа и Госдумы дрожащими от обиды губами робкие словесные протесты зарвавшимся «карликам»? Набрались бы решимости, и как в анекдоте времен китайской культурной революции, послали бы туда «наш танк». Не справляется, послали «оба наших танка».

Что же вы хотите от осмелевших за спиной США чухонцев, если почти два десятилетия подряд на ТВ свора сванидзь и познеров, этих бывших комсоргов и парторгов, на манер фашистов топтала Великую Победу, унижала героев войны, плевала (и продолжает плевать) в историю России и Советского Союза, которые для меня и для многих ЕДИНЫ на историческом поле земной планеты.

Гитлер уничтожал нас, не уничтожил. Мы победили и затвердили Знамя Победы со звездой, серпом-молотом. Это уже эпические символы. Гитлеровцам они оказались не по зубам. Попытались в наши дни сожрать грызловцы и жириновцы в ГД РФ, выгрызая со Знамени серп, молот, золотую звезду.

Что же тогда вы хотите от других недругов России – румын, мадьяр, чехов, поляков... по примеру грызловцев и чухонцев покушающихся на памятники освобождения от фашизма?!

Миновали празднования 62-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Под усеченными символами, под «флажками победы», по воле грызловцев и жириновцев, похожих на флажки китайской республики. Из речей рыночников мы услышали, что победил «наш солдат», «наша страна». (Хорошо еще, что не «эта страна»). Никто, выступая на Красной площади в окружении советских ветеранов, политкорректно не произнес слова – русский солдат, советский народ. Но ветераны смогут стать теперь читателями библиотеки им. Ельцина, где получают, вероятно, и «Сказки братьев Грегф» про повышение уровня жизни и фронтовые «ельцинские» сто грамм.

Русская Победа – наша Священная Икона. И да здравствуют Святые воины сержант Егоров и младший сержант Кантария, водрузившие Красное Знамя над вражеским Берлином в мае 1945-го! Такие же багряные знамена со Спасом нерукотворным осеняли и победу Дмитрия Донского на Куликовом поле.

Наше дело правое, мы победили! Слава России!

Николай Денисов,
секретарь Правления Союза писателей России.

«Тюмени литературной» – 35 лет!

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ И СМЕЛОСТЬ

Дорогой Николай Васильевич! Вот это – да! «Тюмени литературной» – тридцать пять лет! Вами созданная, годы и годы непрерывно руководимая, «ТЛ» завоевала беспредельное уважение в обществе за блистательную консолидацию писательских сил, человечность и смелость мысли, стала нашей общей честью и славой.

Горячо поздравляем с праздником!

Валентин Сорокин, Правление Союза писателей России, **Владимир Гусев**, Правление Московской городской организации СП России, **Владимир Фомичев**, Бюро поэтов Московской городской организации СП России, **Леонид Ханбеков**, Независимое литературное агентство «Московский Парнас».

г. Москва

КАК ПОДОБАЕТ ПОЭТУ И МОРЕХОДУ

Дорогой Николай Васильевич! Тридцать пять лет прошло с тех пор, как с благословения тогдашнего ответственного секретаря областной писательской организации светлой памяти Константина Яковлевича Лагунова Вы – молодой, набирающий силу поэт, закатав рукава, взялись за штурвал созданного к очередному празднику Всесоюзных Дней литературы корабля под названием «Тюмень литературная».

Как подобает поэту и мореходу крестьянских кровей всё, за что бы не взялся, делать прочно и основательно, до сих пор Вы не выпускаете штурвал из рук. И как бы ни штормило, на какие бы мели и скалы ни бросало, какие бы подводные течения ни приходилось преодолевать, Вы, пусть порой и с вынужденными стоянками в бухтах, ведете свой корабль верным заданным раз и навсегда своей писательской честью и совестью курсом. Часто – вопреки конъюнктурно перестроенным беспринципными конструкторами политическим компасам и переставленным ими с места на место бакенами. Все эти годы с вами словом и делом доказавшая верность заданному курсу команда патриотов – поэтов, прозаиков, ученых, художников, журналистов, читателей. Благодаря им, «Тюмень литературная»

была и остается одним из немногих в области изданием, отстаивающим отечественные святыни и ценности.

Желаю капитану Н.В. Денисову и команде «Тюмени литературной» новых творческих удач, интересных находок, нестандартных решений и обновлений, большого человеческого счастья. Семь футов под килем на многие лета!

Николай Коняев,
председатель правления Ханты-Мансийской
окружной организации Союза писателей России.

ЗА РУССКОЕ ЕДИНЕНИЕ

Дорогой Николай Васильевич! Дорогие соотечественники!

В январе 1990 года к нам в жаркую страну Венесуэлу, в эмигрантскую русскую колонию, попал один из номеров «Тюмени литературной». С той поры мы стали не только вашими постоянными читателями, авторами издания, но и друзьями. Встречались в Сибири, в Москве и в Южной Америке. Поздравляем вашу и нашу «ТЛ» с 35-летним со дня выхода первого номера. Доброго вам здоровья, творческих успехов на ниве патриотизма – во благо России!

Георгий Волков, **Борис Плотников**, **Валентина Тархова**, **Алексей Легков**, **Лидия Руднева**, **Юрий Ольховский**, **Кира Никитенко**, **отец Павел (Волков)**, **Михаил Поляков** и другие русские из Каракаса.

УЗНАВАЕМЫЙ ДУХ ГАЗЕТЫ

«Тюмень литературная» стала заметной в литературных кругах России и за рубежом, это уникальное издание.

Задуманная и открытая в Союзе писателей Тюмени, а поднятая высоко практически одним человеком, Н.В. Денисовым, многими почитаемая, но не всеми, возможно, любимая (по разным причинам) газета, не может оставить ни одну человеческую душу безразличной к судьбе Отчизны, литературы, культуры.

Из номера в номер переливаются, словно журчащий хрустальный ручей главные темы, поражающие читателя

Георгий Волков –
наш представитель
в Ю. Америке

Ирина Холомьева –
художник «ТЛ»

Константин Лагунов –
стоял у истоков «ТЛ»

неизбывностью русского бытия, верностью православным заветам. И делается это ненавязчиво, корректно, уважая чувства всех людей, населяющих сибирскую землю. Не все ладно на этой земле многострадальной, как и в общем в стране: поменялись флаги и гербы, заплутали умы отечественные среди западных кущей, но редактор не дает усомниться в будущем страны, рождающей настоящих русских богатырей духа. Позиция газеты – это позиция и редактора.

Я не понаслышке знаю, какой кровью издается «Тюмень литературная», не раз сживали мы с Николаем Васильевичем у него дома за чашкой чая, до полуночи, беседуя в том числе и о газете. Не все воспринимают острою позицию «ТЛ» по поводу современных дел в России, о них авторы «ТЛ» высказываются откровенно и прямо. В ответ приходится иногда и удар держать... Только одно знаю – Денисова не сломить. Не тот человек.

Сколько звездочек литературных зажглось, благодаря «Тюмени литературной»... Сколько людей, испытывающих потребность «марать» бумагу, нашли в лице главного редактора «ТЛ» и первого строгого рецензента своих опусов, и заинтересованного доброжелательного старшего товарища и в последствии – коллегу по ремеслу, не счесть.

Хочу поздравить Николая Васильевича Денисова с юбилеем, с теми трудными, но, надеюсь, все же счастливыми пройденными вместе с газетой годами! И – новых свершений!

Валерий Михайловский, член правления писательской организации ХМАО – Югры, лауреат премии Губернатора ХМАО – Югры за 2006 год.

ИСКРЕННЕ ПОЗДРАВЛЯЮ

Творческая дружба с «Тюменью литературной» началась у меня более десяти лет назад. Никогда не забуду той радости, когда увидела первую подборку своих стихов на её страницах. Именно поддержка редактора, читателей помогала, вселяли уверенность, давали силы жить и творить.

Благодаря газете, знакомилась с творчеством тюменских поэтов и прозаиков, а также узнавала новые имена писателей России и Русского зарубежья. Именно газета помогла и мне выйти к более широкому кругу читателей уже не районного, не областного значения, а гораздо выше.

В серии «Библиотека «Тюмени литературной» у меня вышли три сборника стихов. В 2000 году я была принята в члены Союза писателей России. Да и многим молодым литераторам эта газета дала путевку в жизнь!

Искренне поздравляю творческий коллектив «ТЛ», главного редактора Николая Васильевича Денисова с 35-летием со дня выхода первого номера газеты. Желаю побольше иметь единомышленников среди пишущих, благодарных читателей.

**Вера Худякова,
с. Коммунар Исетского района.**

ЦЕНТР ПРИТЯЖЕНИЯ ЗЕМЛЯКОВ

Семь лет назад я обратился к Почетному гражданину нашего Бердюжского района Н.В. Денисову с предложением о создании землячества в Тюмени. Он поддержал. Поддержали нас и другие земляки, живущие сейчас в областном центре. Мы объединились для активного взаимодействия с родным и всем нам дорогим Бердюжским краем, где родились, выросли, многие годы трудились.

Материалы о малой родине стали появляться в газете-журнале «Тюмень литературная». Затем вышло пять целевых номеров, где печатались корреспонденции, стихи

и проза авторов из бердюжских сел и деревень. Край наш не только трудовой, но и поэтический, а село Окунево, где был по предложению Николая Денисова открыт первый в области литературный музей, так и зовут в народе – село поэтов, стихи там пишутся едва не в каждом дворе.

Так «Тюмень литературная» стала нашим центром притяжения. Публиковались произведения не только профессиональных и молодых наших писателей, но и производственные статьи, очерки, зарисовки В. Ерофеева, А. Овчинникова, Л. Третьякова, В. Косякова, В. Гейна, В. Ярмольчик, Р. Екимовой. Н. Олькова, Н. Каргаполова, Е. Аксеновой и других авторов-бердюжан, живущих как в районе, так и в Тюмени, иных краях.

Мне запомнились спецвыпуски газеты-журнала к юбилеям А.С. Пушкина, С.А. Есенина, Н. М. Рубцова, столетию подвига крейсера «Варяг», целевой флотский выпуск журнала «Бескозырка», посвященный русским и советским военным морякам. Нам интересно читать материалы самого редактора «ТЛ» о жизни русских в далеких колониях эмигрантов, волею судьбы оказавшихся на чужбине.

О «ТЛ», о книгах поэта и прозаика Николая Денисова, о его подвижнической издательской, патриотической работе высоко отзывались Виктор Астафьев, Юрий Бондарев, Сергей Викулов, Валентин Сорокин, Виктор Боков, Сергей Баруздин, Михаил Львов и другие известные в России писатели и поэты.

**Леонид Третьяков,
председатель Бердюжского землячества в Тюмени,
Почетный гражданин Бердюжского района.**

ПОПУТНОГО ВЕТРА!

Традиционно на морском языке тюменские военные моряки желают газете-журналу «Тюмень литературная», её главному редактору Н.В. Денисову – старшине второй статьи Военно-Морского Флота СССР.

**Родион Жуков, председатель
морского собрания Тюмени.**

СО ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫМ СОБЫТИЕМ

Большой круг наших авторов из разных городов и селений России знает «Тюмень литературную», солидарен с её патриотической позицией. Мы также с интересом знакомимся с публикациями в «ТЛ». В дни юбилея газеты-журнала сердечно поздравляем вас со знаменательным событием в литературной жизни Сибири, Урала, России.

Надеемся на дальнейшее творческое сотрудничество с вашими поэтами, прозаиками, публицистами.

**Юрий Яценко, директор издательства
«Банк культурной информации».**

**Татьяна Богина, шеф-редактор журнала «Веси»,
г. Екатеринбург.**

ДЕРЖИТЕ УРОВЕНЬ

Дорогой Николай Васильевич! Дорогой Коля, друг и товарищ далеких и незабываемых наших литинститутских лет! С юбилеем твоей «Тюмени литературной», с праздником всех, кто причастен к её выпуску. Писатели Воронежа знают это интересное боевое издание. Надеемся на упрочение связей тюменских писателей, читателей и с нашим журналом «Подъем» – изданием Всероссийского уровня, имеющего богатые творческие традиции, талантливый круг авторов.

**Александр Голубев,
директор – главный редактор журнала «Подъем»,
лауреат Международной премии им. М.А. Шолохова,
г. Воронеж.**

«ТЮМЕНЬ ЛИТЕРАТУРНУЮ» – с именинами!

Благодать и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа уважаемому Николаю Васильевичу! Здравия и благоденствия всем сотрудникам Юбиляра! Крепости духа и надежды на торжество Русской Справедливости всем читателям «ТЛ»! Всем людям, не променявшим совесть и веру на материальные блага оккупированной РФ, радоваться!

Как один из корреспондентов «ТЛ», которого отвергли демократические СМИ за традиционные убеждения и христианские взгляды, не могу не разделить радость всех участников нравственно-оздоровительного процесса в мире, исходящего святым родником, окрещённым «Тюменью литературной»!

Да, хотя многие ещё в ожидании, но, вероятно, прошли те времена, когда при полной ясности, где свой, а где чужой, мы поднимались в атаку и погибали с радостью исполненного долга. Ныне война приобрела более изощрённые формы и методы для достижения противником более быстрого сокращения численности и падения качества населения. Данные о наших физических, психологических и духовных потерях ужасают – ни одна война не забирала в год столько душ и тел, как ныне!

Третья испугательная Мировая война («которая унесёт 600 млн. жизней», – как сказал не ошибавшийся старец Паисий) предсказана и уже ощутима, ибо дегенерацию и нравственное разложение населения остановить возможно только общенациональной трагедией, которая только и сможет вернуть нас к здравому смыслу и национальному долгу, и объединить вокруг общей беды. А пока, когда каждый живёт сам по себе, и берёт от жизни и от брата своего ВСЁ, утратив чувство стыда, соборности и национального самосохранения, приходится воевать за умы и сердца, чтобы спасти от падения и удержат от отступления сохранивших честь и сомневающихся в Нашем скором освобождении, особенно молодёжь.

И на этом фронте «ТЛ» – довольно заметное оружие Божьей Правды и Русского Духа! Конечно, влияние её оставляет желать большего, но и потенциал её далеко не исчерпан, особенно если учесть её полупартизанский стиль работы в современных антирусских условиях.

«ТЛ» – пример того, что может сделать Правильный Человек, не говоря о литературном таланте редактора, твёрдой гражданской позиции и высочайшем нравственном уровне жизни и творчества. Поговорка гласит: если по-русски скроен, то и один в поле воин. А монахи заостряют, как всегда: если со мной Бог, то Нас – большинство! И немало ещё на земле Русской можно найти примеров подтверждений русской мудрости и русской истины. Но, к сожалению, приходится на каждом шагу вспоминать и такую поговорку: на пьяном шапки не поправишь. Потому что рыло кривое от ядовитого пойла, вызванного из бездн врагами России как оружие массового уничтожения попавших в хроническое «россиянское» недоумение.

Кому ныне как ни Русскому Священнику и Русскому Писателю не рыдать над собственным народом на руинах собственного Отечества в поисках именно духовно-нравственных решений по отрезвлению людей и формированию национального правительства, которое поведёт Страну курсом народосбережения, светлой дорогой обретения духовных ценностей, Путём небесного предназначения – донесения Истины и Креста святого Православия до Второго и Славного Пришествия Иисуса Христа! Рос-

сия – Третий Рим, а Русские – Народ-Богоносец. И это – факт Богоустановленный! **Вопрос в каждом из нас: участвую я в предапокалиптическом Процессе или только смотрю, как распинаются за меня другие!?**

Как всегда, особенно сейчас, столкнулись: совесть и выгода, небесное и земное, Христос и антихрист. И чтобы люди не сделали Правильный Выбор, их запутывают с помощью сатанинских СМИ, антикультуры и антиобразования, путаницы в экономике, в международных отношениях, отсутствия справедливой программы государственного строительства, необходимой Взору Русского сердца перспективы и нравственной позиции «странного» руководства страны... Словом, реализация модифицированного плана Даллеса продолжается. Самое печальное же то, если исходить из духовного утверждения, что «мир есть следствие жизни Церкви Божьей», что уже имеется немало оснований для вывода: антихристианство шествует победным маршем по РФ, но ни РПЦ, ни государство не пытаются остановить этот авангард мирового зла, духом которого пропитаны уже сами, предназначенные для его удержания. Раствление очередного поколения и духовного порабощения народа продолжается!

А это то самое знамение последних времён, подтверждающее официальное объявление тёмных сил планеты о пришествии антихриста на землю и подготовительную геополитическую возню вокруг скорой встречи лжемессии. Социальная (цифровая) деструктуризация народа без духовного руководства и политического вождя Нации говорит об одном: спасайся кто может и как может – всё равно попадёшь в лапы сатаны. Такое состояние нашего общества неслучайно, а результат продуманной политики экономических акул и мировых оккультистов. Но их победы – следствие наших отступлений с высот Правды и Добра!

Традиционно воспитанному ребёнку, способному духом различать правду и ложь, мои слова излишни. Успехи же зла по реформированию Русского самосознания (читай: уродованию христианской души) приводят к необходимости срочного нравственного всеобуча нашего народа, ибо серьёзные аспекты и глубины национальной трагедии из-за своей повреждённости и принудительно-помрачения он просто не способен уже воспринять. И только чудо в результате всеобщих скорбей способно исцелить души и оздоровить нравственную атмосферу в стране, чего, как смерти, боятся ныне мировые паразиты и вампиры всех мастей, сосущие соки из России в тени пьяной и одураченной толпы, бывших, увы, юридических преемников несметных богатств нашей Родины, завоеванных кровью наших святых Предков!

И я говорю это не ради пафоса по поводу, но для того, чтобы читатели смогли оценить мужество Николая Денисова и всех сотрудников «ТЛ», и их роль в битве Добра с мировым злом; что они делают всё возможное, чтобы на их участие духовного фронта Правда не умерла и свет Истины не погас, и чтобы колокол русского освобождения звучал, призывал и собирал единоверцев, не желающих менять русскую душу на набитый всякой заморской дрянью желудок. «Не корми меня тем, что я не ем!» – говорили в старину против привозимых безбожных нравов и обычаев. И строго пресекали сообща любую заразу, что могло повредить всему многовековому укладу русской Богоугодной Жизни.

Сегодня сопротивляемость злу из-за богоотступничества, магического ослепления и атрофии совести упала почти до нуля, но «Тюмень литературная», наряду с небольшим отрядом патриотических СМИ, делает героические усилия по сохранению облика Человека Божьего, высокого уровня взаимоотношений, оптимизма... в условиях, когда подменены сами основы нравственной жизни на барыжные, рыночные, базарные, где выгода стала дороже Чести и самого Бога! Без преувеличения могу сказать, что подавляющее большинство современных (т.е. наёмных) СМИ по нравственному потенциалу, духовному наполнению и интеллектуальному содержанию не дотягивают даже до пяты «Тюмени литературной»! Её мировой масштаб определяется именно его традиционным народным духом, добротой и здравым миропониманием, чему подвластны любые темы, проблемы и социально-политические события. Любые глубинные процессы наисложнейшего российского социума можно рассмотреть и проанализировать только православным оком, сострадательным сердцем, многовековым Русским Духом, что в полноте имеет «ТЛ» благодаря Н. Денисову.

И потому «ТЛ» продолжает спокойно нести Слово Правды и Добра своему читателю, с молитвой и благословением бороться за души своих земляков и соотечественников за рубежом, потому что видит и чувствует, как в глубине Души народной зреет и нарастает несокрушимая буря народного возмущения и победоносного гнева Божьей Справедливости!

Словом, если мы желаем знать правду о своей многоскорбной стране, о своём районе, о том, куда катится мир, и к чему необходимо готовиться загодя, мы можем читать «ТЛ» с уверенностью, что в этом издании вас не обманут. Потому что вся жизнь Николая Денисова есть ничто иное, как только Служение Правде и своей многострадальной Родине! И свой Крест этого высокого и светлого служения, я верю, он донесёт до традиционно достойного Завершения! И другого пути, другой работы, другой жизни у Нас просто нет! Не дано Богом, Которому Слава во веки веков! Аминь.

ВЛАДИМИР Ермолаев,
Русский писатель из СП России.

ЮБИЛЯРАМ!

Уважаемый Николай Васильевич! Поздравляю Вас и весь коллектив редакции с 35-летием со дня образования журнала «Тюмень литературная»!

Ваш журнал получил признание среди различных слоев населения и имеет своих постоянных читателей не только в области, но и по всей России.

«Тюмень литературную» во все времена отличают равнодушие и заинтересованность к судьбам людей, разнообразие тем, творческий подход к изложению фактов и событий. Главными героями ваших публикаций являются обыкновенные люди со своими проблемами и победами в труде. Год от года ваше издание становится интереснее и содержательней.

Благодарен Вам за понимание и поддержку и впредь надеюсь на тесное взаимное сотрудничество. Желаю вам и всему коллективу интересных тем и встреч, воплощения творческих замыслов. Благодарных читателей!

Крепкого вам здоровья и большого личного счастья.

С уважением глава Бердюжского района
Н. В. Теньковский.

Благодаря творческой деятельности вашей газеты-журнала, благодаря редактору, земляку нашему, Бердюжский район, особенно село Окунёво, стали более узнаваемы в Тюменской области и не только. Отраднo сознaвать, что под влиянием «ТЛ» сейчас у нас начинают писать-сочинять не только взрослые, но и школьники. Только вот беда: площадок для публикаций мало. Районная газета «Новая жизнь» имеет малый формат, да и «ТЛ», понимаю, не резиновая. С юбилеем вас, желаем успехов!

Николай Каргаполов.

*Прессы «свободной» обрушился шквал,
О разном вещают газеты!
Тот «шквал» наш народ
уже просто ДОСТАЛ...*

Святая заступница, где ты?!
Но если ты правду узнать захотел,
Поэзией слов насладиться,
Возьми тогда, друг, газету «ТЛ»,
Открой на любой странице.
Здесь строки чеканит морская братва,
По жизни, как в море, отважная.
Здесь наша правда – строга и проста,
И по-крестьянски – сермяжная.
Сказать эту правду власти в лицо
Газета отнюдь не боится.
И видим мы светлые лица бойцов,
Отважная конница мчится.
И твердо шагает гвардейцев отряд,
Тот, что по духу нам близок.
И впереди, подняв Русский стяг, –
Поэт Николай Денисов.

Зинаида Замякина.
с. Окунёво.

ИЗДАНИЕ МНЕ РОДНОЕ

С «Тюменью литературной» связано начало семидесятых годов минувшего века. Хорошо помню то время. Книжного издательства и альманаха в областном центре уже нет. Для публикаций остаются – от случая к случаю – литературные полосы в партийной и молодежной газетах: почти ничего. И вот в этот момент на буме ежегодных Всесоюзных дней литературы в Тюменской области обком партии разрешил выпускать в разовом порядке писательскую газету. Главным редактором издания руководитель писательской организации Константин Лагунов назначил молодого, но динамично восходящего поэта и журналиста Николая Денисова, тюменца, только что окончившего Литературный институт в Москве.

Местные пишущие устремились печататься в шестнадцатиполосной газете. Наиболее активными и заметными были А. Кукарский, Г. Сазонов, А. Тарханов, В. Нечволода, И. Ермаков, К. Лагунов, В. Клепиков, Ю. Зимин, З. Белова, Р. Лыкосова, З. Тоболкин, М. Анисимкова, И. Истомин, Л. Лапцуй и другие маститые по местным меркам и не очень.

Я был где-то посредине. Подавал надежды, но не настолько, чтобы числиться в лидерах. Хотя печатался уже в нескольких коллективных сборниках, альманахе «Сибирские просторы», в журнале «Урал», в газете «Вечерний Свердловск».

Юный редактор «ТЛ» не очень-то учитывал «послужные» реестры – смотрел и оценивал предлагаемое по-своему, руководствуясь соображениями качественного порядка. Поэтам было легче, всегда можно выбрать одно-два стихотворения и найти в газете место для публикации. Трудней с прозой, на которую у Н. Денисова тоже свой пригляд и вкус. Был и есть.

При всей конкурентности в первых номерах газеты у меня появились рассказы о природе «Синий бор» и «Картина». Номера газеты храню до сих пор.

«Тюмень литератур-

ная» выходила четыре года подряд. Затем случился перерыв в её издании. Заглохли Дни литературы, поменялось областное руководство...

Газетно-издательский бум наступил с приходом гласности, перестройки. «Тюмень литературная» заработала вновь – на новом накале и вдохновенном порыве, с четко выверенной патриотической позицией. Во главе с прежним редактором, который был у её истоков.

В это время я жил и работал в Нижневартовске, всецело одержимый Самотлором. Но с поэтом, прозаиком и редактором Николаем Васильевичем Денисовым я – с одним из многих тюменских писателей – сохранил дружеские отношения, он ценил мою первопродвиженческую деятельность рабочего, журналиста и литератора. Газета, где стали появляться и мои публикации, была не только в киосках области, но и широко рассылалась по стране, в зарубежные русские колонии. В странах Латинской Америки, в США, Канаде, Австралии у «Тюмени литературной» образовался большой круг русских читателей и почитателей.

В канун своего шестидесятилетия я приехал в Тюмень. Встретились с Денисовым, по-братски обнялись у него на квартире в третьем микрорайоне города, вспомнили бывшее, поговорили о текущих заботах и проблемах. Газета, издаваемая теперь без господ-

держки, переживала трудности немалые. Помог изданию. Но больше оно мне помогло. Было объемное мое интервью напечатано, рассказы, главы из повести, подборки стихов. А номер «ТЛ», приуроченный к тридцатилетию Нижневартовска, где публиковались наши авторы, был профинансирован администрацией города.

Надо отметить, что через «Тюмень литературную» прошли почти все литераторы города нефтяников. Некоторые стали членами Союза писателей. Из последнего «слоя» назову имена талантливых прозаиков Валерия Михайловского и Амирсеита Даутбекова, ныне также членов Союза писателей России. И еще, подающего большие надежды автора «Тюмени литературной», нижевартовца прозаика Анатолия Уварова. Можно говорить еще о ряде поэтов наших, что публиковались неоднократно в «ТЛ», ставшей нам родной.

Помнятся номера «ТЛ», целиком посвященные Сургуту, Советскому, Ханты-Мансийску, районам юга, в частности, Бердюжскому, где родина поэта Н. Денисова. Интересно читать материалы из дальнего зарубежья, из русских колоний стран Южной Америки, Австралии, США, Канады...

Газета постоянно и жестко бичевала и бичует недостатки общероссийского масштаба или застой в литературных делах своего Тюменского края...

Всегда поражался, как это

Н. Денисов успевает писать книги, вести большую общественную работу, сейчас еще и председательскую в Союзе писателей Тюмени, практически в одиночку осуществлять выпуск газеты, теперь она выходит в журнальном варианте?! По-настоящему оценил гражданский и литературный подвиг писателя, когда сам взялся издавать альманах и газету «Литературный Нижневартовск». Непростое это дело. Уметь не только собрать, составить и отредактировать номер, обычно острой, болевой, патриотической направленности, но и обеспечить финансовую сторону издания, работу с типографией, распространить, а потом стойко и терпеливо выдержать нападки недоброжелателей, оппонентов, дать им достойный ответ, а то и отповедь!

Вижу в Николае Денисове энтузиаста литературного поприща, патриота России. Такой он, иным не может быть. Без литературы не может, без корней сибирских, деревенских. Таких подвижников уже не много в нашем бытии. Перестройка, так называемая, проредила наши ряды. Иных уж нет, другие отошли от литературной и общественной деятельности. Денисов же не дает успокоения активной части общества, будоражит смирившихся с беспределом, отрицает равнодушие. Скажу так: его путь это и мой путь. Также путь наших единомышленников.

«Тюмень литературная», небольшая по объему, запоминается каждым отдельным номером. Нередко беру её в дорогу. Легко прочитываю, чтоб потом передать, например, в руки библиотекарей или учителей школ, как поступают и другие её авторы и читатели. Так «ТЛ» оказывается в самых отдаленных уголках Тюменщины, областях России, в Москве, в Питере. И знаю, держит связь и ныне с дальним и ближним русским зарубежьем.

Удач и успехов!

Николай Смирнов,
председатель «Со-
дружества писателей
Нижневартовска».

ЖГУТ РУССКИЕ КНИГИ

В популярном лет тридцать назад фильме о войне «Сын полка» есть замечательный с воспитательной точки зрения эпизод. Русский мальчик-разведчик Ваня Солнцев в споре со своим старшим товарищем офицером о фашизме гневно выкрикивает: «У них нет писателей! Я сам видел, как они свалили в кучу книги и подожгли!»

Нечто подобное началось в Казахстане в связи с переводом делопроизводства на государственный язык.

По указанию назарбаевских властей все библиотеки республики приступили к уничтожению русских книг. Под пресс и в костер идут миллионы томов не только советских писателей и поэтов Симонова, Катаева, Евтушенко, Полевого, но и русских классиков Державина, Фонвизина, Крылова, Пушкина, Толстого и всех-всех других, кто создал свои бессмертные произведения на русском языке.

Уничтожаются даже такие редкие издания, за которые московские букинисты готовы выложить огромные деньги. Только в филиале Второй усть-каменогорской библиотеки им. Бажова было уничтожено более десяти тысяч томов. Всего же по республике планируется сжечь 20 миллионов томов.

«Русский Вестник». № 6, 2007

ШЕЛ ОТ ПЕРВООСНОВЫ

На полках моего книжного стеллажа стоят рядом разные издания «Слова о полку Игореве». Я собирал их многие годы и журналист Петр Григоров, бывая у меня, в первую очередь интересовался этим собранием. Был период, когда он занимался изучением всего, что было связано с публикациями этого шедевра древнерусской словесности. С особым пристрастием он проверял на слух звуковые словосочетания одинаковых по смыслу абзацев у разных авторов-переводчиков, докапываясь до точности переложения, до расшифровки оригинала.

Однажды я взял с полки солидный сводный сборник «Слова...», раскрыл наугад страницы и стал читать (признаюсь: не без затаенного лукавства) со случайной строки. Через несколько абзацев перекинул листы на другого автора и так повторялось несколько раз. Григоров не только безошибочно называл авторов переводов, но и на память продолжал чтение каждого из них с той строки, где я остановился.

Чутьё на звучащее слово было у него поразительным: шел он от первоосновы, от языка, на котором писалось в былинные времена безвестным летописцем «Слово о полку Игореве».

Он многократно переводил «Слово», публиковал наработанное, по-своему толковал сомнительные места в переводах, вступал в полемику по поводу языка этого литературного памятника с академиком Дмитрием Лихачевым. (В скобках замечу, что в нашем распоряжении были грамзаписи с голосом Лихачева, где тот читает древнерусский текст и переводит его в современное звучание).

Глубоким побудительным мотивом к творчеству было для Григорова все, что накладывалось на историю и культуру Древней Руси. Никогда не забуду с каким пристрастием он относился к каждой моей живописной работе на выставке «Памятники России», а по поводу суздальской церкви Космы и Домиана вскоре подарил мне свою статью из «Тюмени литературной». В ней – репродукция необычной иконы: образы Космы и Домиана с портретной точностью списаны со святых врачей-врачевателей русской словесности – В. Даля и А. Пушкина.

Искатель звучного слова Григоров вначале был активным штатным автором «Тюмени литературной», а затем стал её штатным ответственным секретарем, боевым тружеником.

Для меня он в первую очередь оставался Петькой Тарасовым. Так по обычаю нашей Андреевки, деревеньки Голышмановского района, откуда мы родом, фамилия мальчишки часто становилась производной по имени его отца: Петр, сын Тараса. Он вместе с моим младшим братом, ныне петербургским живописцем, учился азбуке у моей матери, в Андреевской начальной школе. И уже в этот период – отмечала мать – у Пети явно обозначались наклонности к сочинительству.

Наше детство падало на войну. Петр осиротел рано. Сейчас я боюсь сказать точно, вернулся ли Тарас израненным с фронта или его искалечила трудармия, но угас он быстро.

Жена Тараса Настасья осталась с тремя малыми детьми на руках. Петру, старшему «мужчине» в доме, пришлось взрослеть стремительно. Семья ютилась в маленькой избушке на окраине деревни. Тесно. Холодно. Голодно. Но зато какая благодать в природе. Место живописное, поэтическое. Огород покато оседал к реченьке Боровушке и по меже можно было сбежать к мостку, через него – в три прыжка – на бугры.

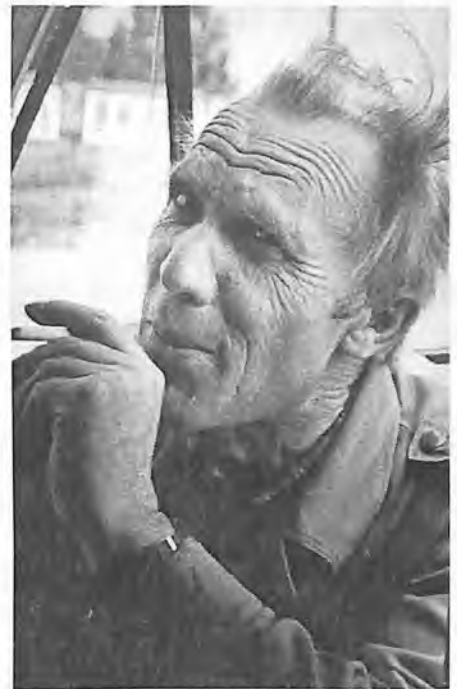
По низу, среди высоких трав, живая вода ключей, питающих речку, а сверху, над хребтами бугров, – вечная подвижность причудливых облаков. Матушка природа была благословенным даром судьбы, колыбелью детства.

По сути своей, по характеру Петр Тарасович Григоров был исконно русским человеком. Жили в нем наши общие тревоги, боли и тяготы. Из жизни ушел рано. Размах, который он набирал, остался незавершенным.

А в памяти моей он живет как один из радетелей за чистоту и высокую нравственность отечественной культуры.

В горькие дни прощания с другом посвятил ему эти строки:

*Он больше не зайдет.
Не позвонит.
На улице не встретится
Случайно,
Чтоб в суетной толпе
Сказать: «Привет»,
И тут же виновато
На ходу:
«Прости, дружище,
Уезжаю...»*

*Потом
Затренькал телефон.
Снимаю трубку,
Слушаю.
«...в тринадцать».
«Траурный?» – «Да, там.
Задворки облбольницы...»*

*Его глаза закрыты,
Под ресницей –
Ни искринки.
А бывало,
Как распахнет
Глаза-озера...
Умолк певец.
Не вскинет веки.
Утих Буян Боян.*

*Зачем же ты? Куда?
Недвижные немые руки,
Лоб – странно – без морщин,
Отлит из воска. Тускл.
И реденький зачес –
Белесые былинки ковыля,
Как высохший венец
Придонных пыльных трав
От князя Игоря.
От тех еще времён.
Тебе во славу –
За любовь и память.*

*И много – многое спустя
Его последние статьи читаю
«О Слове...» – слово,
Как привет оттуда.
Что там?
«Великое – быть может?»*

Валерий Новиков,
искусствовед,
г. Тюмень.

СИЯТЕЛЬНЫЙ МЕСЯЦ ИЮЛЬ

Виктор Жорник

ПЕСНЯ ПРОВОДНИЦЫ

Я смотрел на усталые лица.
Поезд мрак продолжал разрывать.
Пела рядом в купе проводница
Образцовой Елене под стать.

Сколько нежности в голосе, силы,
Безмятежной земной красоты.
Видно женщина очень любила
Эти горы, поля и цветы.

Было душно в вагоне и жарко.
Поезд мчался, на стыках звеня.
И, конечно же, было мне жалко,
Что поет она не про меня.

Все куда-то стремилось, летело.
Ночь рассеялась в дальнем краю.
Только женщина пела и пела
Вдохновенную песню свою.

1980

г. Краснодарский край

Юрий Конечный

ВЕРА

Где тополь шумел, отражая
Наскоки светящихся пуль,
Над нами летел, промокая,
Сиятельный месяц июль.

И в лужах, балконами книзу,
Веселые плыли дома,
И мячиком круглым с карниза
Просторно скакали грома.

И ты, безо всяких косметик,
Под радужным плеском ветвей
Была всех прекрасней на свете
Светящейся верой своей...

1975

г. Свердловск

Виталий Огородников

* * *

Останься. Дай руку, останься,
Давай с тобой выйдем под дождь.
Из жизни прекрасного танца
Ты запросто так не уйдешь.

Забудь эти мхурые мысли,
Тревоги подальше упрячь.
Останься. Ты создан для жизни,
Для счастья, побед и удач.

И фортель какой-нибудь выкинь,
И песню забытую спой.
И ты будешь самым великим
Из тех, кто остался собой.

г. Тюмень

Сергей Горбунов

РЫНОК

На рынке бабушка в косынке
Зелень с дачи продает.
Тощий, словно грампластинку,
Хлеб-лаваш толстяк жуует.
Покупает дама дыню,
Проверяет, как рабыню.
Щиплет хищная рука
Её желтые бока.
Ходят важно ободзины,
Пацанва жуует резину,
А в шеренге автолавок
Все – от лифчика и плавок
До дубленок, шуб и кож –
Покупай, чего захочь...
Бомж бутылки собирает,
У блатного, вижу, вон
Воровски глаза стреляют,
На руке наколка: слон.
Мальчик просит: «Папа, папа,
Купи мне бананы». —
А у папы денег нету –
Вошь с блохой в кармане.
А цыганки – шу-шу-шу:
«Купи, парень, анашу –
Будет рай». – «Не надо рая.
Лучше выучить у-шу».
Мухи. Фрукты. Шашлыки.
Кришнаиты. Челноки.
Бабки роются в гнилье.
Интердевочка в колье.
Гири меньше килограмма.
Как парижский кутюрье,
Весь с изюлочки, но пьяный
Мчится демон на коне.
1994

г. Тюмень

Владимир Фомичев

* * *

Моя любовь – растительность июля,
Макушки лета зелень интенсивная.
Не клейкие весенние листочки,
Хоть чудные –
лишь грезящие зрелостью.

Не на пригорках первые травинки,
Еще не сонмы луга неохватного.
Густые кроны леса –
тишь с прохладой,
Со всеми-всеми волосами головы.

В природе буйство, убьли не видно,
Цветами, злаками вскипели завязи.
Вдали от нежности не только выюги,
Но даже стынущие ночи августа.

г. Москва

Нина Юценко

* * *

Вчера в степном ауле
Кумысом угощали.
Собаки громко лаяли.
Продавали шали.
Казашки молодые
Щептались в завяску;
Тянуло горьким дымом...
Торжественно и веско
Старуха повторяла:
– Саям алейкум, дети, –
Сама маленько пряла.
Была скупа в движенях,
Но как красноречива.
... Солнце догорало
В речке молчаливой.
А мне казалось – это
Уже когда-то было:
И степь, и жеребенок,
И дойная кобыла;
Казашки молодые
Гостям ковры стелили,
А солнце в синем небе
Нещадное палило;
Ковыль к земле клонился
И пахло горьким дымом.
... И сердце трепетало,
Как чайка над обрывом.
г. Ишим

Анатолий Марласов

* * *

Луч солнца встрепенулся
И погас...
Мычат коровы.
Бухают калитки.
И бабы выползают,
Как улитки.
И наступает
Тот вечерний час.
Когда усталость ниспадает
С плеч.
И хочется смеяться
Или плакать,
И даже если кто-то
Станет вякать,
То кажется
Возвышенною речь.

г. Тюмень

БЫЛА ЖИЗНЬ...

Правдивая речь проста.
Сенека

Пока была жива мать, не переставал удивляться её терпению и способности любить всех, а в минуты своей бесхитростной борьбы за правду, она могла запросто пойти с голыми руками на танк.

Моя мать – Еремина Варвара Павловна (в девичестве Шилина) родилась в 1918 году в д. Малиновка Викуловского района. Мы, трое её детей, родились там же и звали её, как сама приучила нас – мамкой.

Когда она спала? Просыпаясь рано утром в школу, я видел, как у неё уже топилась печь, кипели чугуны, вечером она допоздна вязала или штопала.

В детстве, засыпая, всякий раз слышал, как она молилась у икон и, тихо ступая в темноте, подходила ко мне и накладывала своё крестное знамение.

Не было мне еще и десяти лет – а повела она меня с собой в поле, километра за четыре, учить косить траву. Это было высокое доверие, и оно двигало мной, как желание скорее стать взрослым и приносить семье пользу.

Мать похваливая, показывала, как нужно обкашивать деревья и кусты, не заводит с плеча косу и прочим премудростям косьбы. Позже она утверждала, что косить я начал сразу, что означало в словах её наивысшую похвалу.

Незаметно ускользает время, и мы в очередной раз рады приходу весны, не замечая, что стали ещё на год старше.

Мать ушла из жизни в ноябре 2001 года, но я всё ещё вижу её, и как бы слушаю её простую житейскую речь, чистую, как журчание родника, без примеси и соринки:

– А что, Сережка, это правда, что колхоз Чапаева разогнали? – не изменяя себе, будучи правдолюбой, живо интересуется она. (На Покровском кладбище этого колхоза похоронены две её старшие сестры).

– Да, – подтверждаю я.

– Вот так да... И как же они его там поделили, и чем теперь народ занимается?

– Как говорят сами: кто успел, тот и съел! Скотину по себе да на мясо порезали, технику, кто на ней работал, у дворов поставили. Одному мужику силосная яма досталась. Сеют теперь мало, удобрений нет, поля зарастают. Работы почти нет, а кормятся в основном со двора...

– Вот так да! А жили сообща – земли колхозу не хватало, весь лес вокруг скорчевали. Ну, вот скажи мне на милость, что всё это опять устроил?

– А я откуда знаю! – пытаюсь отмахнуться я.

– Во! Книжки читаешь, а понять не можешь. А я тебе вот что скажу: кто нас раньше раскулачивал и силком в колхозы загоняли, вот они это и устроили!

– Это ещё почему? – искренне удивляюсь я. – Откуда им взяться?

– А потому, – уверенная в своей правоте возражает мать, – ещё тятка мой говаривал: «Сова не выведет сокола, а такого, как сама». – Помнится, помирал и говорил, что доживёшь ты, Варька, и сама увидишь: ничего с таких мужиков у этой власти не получится.

– С каких таких?

– А с таких, что поля бывало вспахать не умеют, трём свиньям пойло не разольют, а в начальство так лезом и лезли. Вот только бы сидели за столом, воду из графина друг дружке наливали, кивали, моргали, да воровали! А работать не умели и не хотят. Вот и развалили... Какие они хозяева?

– Жалеешь? – спрашиваю мать.

– Чудной ты! А ежели люди попривыкли сообща работать? К чему их шевелить? Кому невтерпёж жить и работать

единолично, пушай ото всех отделяются и не мешают остальным. А зачем силком-то всех разгонять? Вражду опять затевать, чтоб волками друг на дружку косились? Из народа скотину понаделали: то сгоняют, то разгоняют, как с пустого в порожнее!..

– Говорят, плохо работали, – вставляю я.

– Брешут! Кто работать не хотел, такое вот и говорят. Кони уставали, а мы работали! Весной – посевная, летом – покос, осень – уборка, зимой дрова пилили, зерно лопатили, за скотиной ходили, всем работа находилась, что едва дома с управой поспевали. Одно, Сережка, понять не могу, как это так случилось, что жили люди и скотины своей полно держали, и на колхозных фермах людей не хватало за скотиной ходить, а в городах люди на заводах работали, а что коснись взять, всего не хватало! Куды всё девалось? А час у людей работы нет, и денег – не у всякого, а что коснись в магазинах, всего полно? Или это специально делалось, или вправду решили, что Америка нас за так кормить будет? А я, думаю: она оттуль глядит, да думает, как бы себе больше ухватить!

За всю жизнь, кроме четырехлетнего обучения в начальной школе, мать не прочитала ни одной книжки, заявляя на мой упрёк в этом однозначно: «Некогда мне, Серёжка, эти книжки читать! И без них у меня обо всём голова болит. И так – едва поспеваю. Буду я время с ними провозжать!» – Однако, за всяким своим делом, мать любила слушать постоянно включенное радио. Когда американцы бомбили Вьетнам, не переставала жалостливо восклицать: «Вот ведь, бедненькие! Как они там только и живут? Хоть докуль, эта Америка их и бомбит, и бомбит, и бомбит! И чего привязалась? И некому эту Америку остановить?..

– Говорят, землю продавать надо, – как бы продолжаю я начатый разговор с матерью, – тогда и интерес ко всему в работе появится.

– Ох, Серёжка, не говори мне попусту. Курочка, она ведь ещё в гнезде, а яйцо-то сам знаешь где! Помнишь, какие-то бумаги людям пораздали?

– Ваучеры?

– Навроде того. Ну и что? Какая от них народу польза? Сидят люди по городам, касками об дорогу стучат, хлеба и того взять не на что! И что это такое? То неграм, бывало, помогали, миру всему, а тут своих видеть не хотят, что у них такие же дети по домам голодные сидят. Разве это дело? Теперь за землю ухватились. Дурь! Кто её возьмёт? Тут надо по совести и чтоб один другому не мешал. Ты хоть телевизор глядишь?

– Да так, реденько.

– И правильно. Что попало показывают! Бывало, раньше поглядишь – безо всякого! Ну к чему это? Люди уже что попало один над другим творят. Я когда присяду, так сразу же ухожу, аж с зятем рядом стыдно сидеть. То какие-то игрища, да гульбища кажут... Или они народ от такой жизни развеселить хотят?.. Одно кино по целому году, как сказку «Про белого бычка», рассказывают. Я все думаю, неужто это и есть тая самая демократия, про которую с утра до вечера только и бубнят? Вот с Заволокиным «Играй, гармонь!» – эту передачу гляжу! – оживает мать. – И я по всему вижу, что она рада всякой возможности выговориться со мной. – Как где услышу гармошку, так и вздумую про свою жизнь. Где мои семнадцать лет? То ли были, то ли нет. Прокатились года, как по зеркалу вода... Ох, как я любила петь! Бывало, где гармошка заиграет, так воздух ходором весь ходит! А голос у меня был,

как подхвачу – на другом конце деревни было слышать! Счас, которых встречу, всё поминают, ох и голосистая ты, Варька, была! Гармонистам глянулось под меня подыгрывать. А вот не в меня, – улыбается мать. – В батьку. Не передалось вам. Тот любил песни, а сам, бывало, где на гулянке запоёт, как борону куды попало тащит...

– А помнишь, батя говорил, что ты одну песню так и не разучила?

– Какую?

– Про «Синий платочек».

– А, ту, что с фронта мне прислал... Так мы под неё по-разному подкладывались, а потом или кто где услышал, или с пластинки, в общем, у нас в деревне никто так петь не мог. – Мать серьёзно смотрит на меня и начинает хохотать. – Вот ведь, действительно: сова не выведет сокола, а такого, как сама! Вылитый батя, просмешник! А нос, всё же, как я, морщишь...

Поднявшись с дивана я включаю телевизор. Мать пристально выдерживает паузу, глядя на певуна.

– У нас в деревне такой вот тоже был. Всё, бывало, в компаниях бабам женским голосом подпевал. Ну, а это? Разве красиво ноги так вот кверху задирать? – укоряет она танцующих рядом с ним полуголых девиц. – Что, нельзя себя по-нормальному вести? У нас на покосе раньше кони так вот от паутов отбивались. Овод облепит их, бедненьких, и подступиться к ним боязно: ногами туды-сюды!

Выключаю телевизор и вижу, что мать опять довольна бесшумному разговору со мной.

– Сижу одна, обо всём вздумаю в своей жизни. Хорошо помню, как раскулачивать нас пришли. Погнали скот со двора, полезли по амбарам, по кладовкам давай шарить, тащить себе по карманам, за пазухи совать. В печку – и в туё забрались, как будто сроду не ели. Пряма так, грязными руками по чугунок и полезли!..

А мы вовсе кулаками и не были, а середняками. Семья была большая. Две семьи в одном доме жили. Работников не держали. Всё делали сами: и есть, и пить всегда у нас было. Кто кому работать не давал?..

Выгнали нас из своего дома в избу к ссыльному австрийцу, амбары да постройки посвезли со двора, и остался наш дом, как тычка... Тятка вовсе и не глядел в его сторону, шибко переживал, а вскорости его парализовало, от этого и помер он... Старших братьев – Никифора с Кузьмой – сослали в шахты. Кузьме еще шестнадцати не было, и его отпустили оттуда обратно домой. А он шёл весной, в сапоги воды со снегом набрал. Простыл... А лечить было нечем, есть было нечего, так вскорости и помер от чахотки.

Собачка у нас тогда небольшая была, такая хорошая, забыла, как её звали, прибежала она в туё австрийскую избу и жила с нами возле крыльца. Так один дурак пришёл и прямо у крыльца взял её из берданки убил. Дескать, кто-то ему сказал, иди, а то кулацкая тая собака поросят твоих у свиньи похватает.

Так мы с племянницей Анной Никифоровной (она меня на год помоложе) так по ней плакали!.. И откуда только зло у людей тогда бралось?

А братка, Никифор Павлович, на той шахте долго пробыл. В одном бараке с твоим дедом по отцу, Никанором, жили. Тот года три или четыре пробыл там. Царствие ему небесное!.. Жадным до работы был, всё хотел больше семье домой отослать. От туберкулеза умер, троих детей малолетних дома бабке Анне оставил. Анатолий старший был.

Братка нам апосля всё, бывало, рассказывал: выйду, посмотрю в свою сторону и зальюсь горячими слезами: за что, думаю, вы меня сюды сослали, от семьи, от детей оторвали? За мои-то трудовые мозоли. Так он, братка, ни одного свово сына на фронт и не проводил... Сначала Дмитрия забрали,

На фото: мама и я

он с двадцать второго года был, следом Сергея, тот с двадцать пятого, и обоих где-то, бедненьких, поубивали...

О-хо-хо, – вздыхает мать, – шибко тяжелая жизнь была. А братка, когда уже после войны оттудова пришёл, опять всё заново себе отстроил: дом, баню, дворы, ворота, городьбу – и хоть бери его да заново туды отсылай. Теми же самими руками! Любил всё до ума довести. Помирал, плакал и говорил: ох и любил я, Варвара, работать и думал, веку мне в работе не будет! Не поверишь, один три сажени дров нарубит, расколет и складет. С корня!

Раньше с кем попало не роднились, а чтоб из работающей семьи был. Народ был здоровый, крепкий. Сват Андрей Фищенко всё мимо нашего дома босиком ходил, а коров много держали и молоканка у них своя была.

Спрашивала потом у своей мамки, отчего это он босиком ходил, сапог, что ли не на что было купить? А вот, говорит, любил так по земле босым ходить. Он радоваться умел! А как помереть братке моему, позвал он отца твоего, Анатолия, напоследок чтоб побрил его. Тот побрил, а он и спрашивает его: «Знаешь, чьей бритвой ты меня побрил?» – Батка ему: «Нет». – «А эта бритва отца твоего, Никанора... Перед тем, как ему помереть, я ею побрил его, и Никанор сказал: «Возьми ее себе, Никифор, на память...» – «Теперь вот возьми себе...». У батьки твоего от таких слов и комок к горлу подкатил. Вот ведь жизнь была, – мать смахнула кончиком платка слезу. – Всё, что ему от отца на память и досталось... И кто кому работать не давал? Ели – как работали! Пили квас, варили пиво. А пьяных, как сейчас, совсем по деревне не видно было. Стыдились, что на смех могут поднять. Бывало, какой праздник, народ, как маки, цвел! И молодые, и старые – все играют, веселятся да песни поют. А на Пасху что было! У нас церкви-то своей не было, в Озерную верхами ездили пасхи святить, а народ у загородки их ждёт да слушает, когда там в церкви начнут в колокола звонить. Слышно было. Зазвонят, аж дух кругом радуется! Ох, и весело было жить! А теперь что? Пусть хоть и машины кругом, а загубили народ и ума ему дать не могут! Как с пустого в порожнее... А тятка

у нас, Павел Яковлевич, набожный был и грамотный. Библию сам нам читал и всем молитвам нас строго учил и спрашивал. За стол и из-за стола без благословения не садился и не выходил. Порядок в доме был во всем. Кому что укажет, тот то и делает, а не расслышишь, бежишь к мамке и спрашиваешь, что тятя сказал. Родителей слушались и уважали. Не то, как сейчас, что хотят, то скажут, как хотят, так и назовут.

– А кто виноват? – спрашиваю я.

– А какие, Сережка, корни, такие и отростки!

Вы же нас слушали, – ласково улыбнулась мать и, помолчав немного, продолжила: – Сват у нас был. Ещё в ту германскую он унтером отвоевал и было у него много наградных крестов. Когда жена у него умерла, то осталось ему на руки восемь детей. Женился он на вдове, а у неё тоже пятеро детей. И что ты думаешь? В тридцать седьмом или восьмом взяли его арестовали и расстреляли. Апосля в Малиновку приехали и сказали, что дескать он, – мать напрягает свою память. – Вот был бы Анатолий живой, он бы подсказал...

– Троцкист? – подсказываю я.

– Во-во! А ты почём знаешь? – дивится мать.

– В книжках читал.

– Так мы в Малиновке, промеж себя, так удивились и думаем: «Эх, вы, дураки! Тринадцать детей у мужика не пожалели. Ну, какой же, думаем, он троцкист, если он дальше Викулова никуда не ездил!.. То, что он – унтер и кресты у него, так он же ведь сам-то не виноват – а война! Ведь он же за Россию воевал! Что попало один над одним творили. И сейчас, я вот погляжу на эту жизнь: ума сами себе или не хотят дать, или не могут, все одно, то мытьем, то катаньем. – Мать тяжело вздыхает и, облокотившись на ладонь, смотрит себе под ноги. – Или вот, батька твой, что он в детстве хорошего видел? Из дома и школы выгоняли. Всё поотобрали: ни обувь, ни одеть, ни поесть. Зимой в холоде. Картошки – и той вдосталь не было, травы какой натолкут, то и едят... Мать его Анна из всех сил тянулась. Какими-то тряпками ноги себе обмотает и идёт по грязи ли, по снегу на колхозную ферму своих же коров доить. Шибко терпела. Батька твой подрост. Шесть, что ли он классов кончил. Соображал. Учётчиком поставили работать, ей полегче стало. А тут – война! Забрали вначале его, а потом и его младшего брата – Сергея. Он тоже с двадцать пятого года был. Хоть и небольшого ростичку, а отчаянный, всё, бывало, охотничал. Как счас помню, как его с Малиновки забирали. Бабка уцепилась в него, как в цыпленка и не отпускает от себя. Видать, чувствовала, так едва всем миром его от неё отняли! Отец сказывал, где-то в Белоруссии, в деревне Кисляки, в братской могиле лежит... Сказывал и про себя, как хотели его на офицера направить учиться, а он из раскулаченных, без доверия значит, так солдатом и отвоевал. А брат его сродный Сашка (не знаю, как это отца его дядьку Ваську не раскулачили? Или он успел отделиться от всех братьев?) так он, Сашка Ерёмин, майором с войны пришёл. Вся грудь у него в наградах была, и весь был изранен, так молодым и помер. А батька еще после войны больше года служил. Ждала его. Стеснительный был. Бывало придет в клуб, встанет у стенки и стоит. Заплата у него во всю спину на пиджаке была. Я ведь, Сережка, первой на кругу была: и спую, и спляшу, и лишнего болтать не любила. – Мать улыбается, встает, подходит к шкафу и открывает его, достает оттуда флакончик с валерьянкой, наливает воды и слышно, как считает капли. – А что, Сережка, не знаешь, такие вот флакончики в аптеке принимают? – спрашивает она.

– Кому они нужны? Выбрось в ведро.

– Ишь ты – в ведро! Всё бы только и выбрасывали, а ты вот сделай такой! – мать показывает пустой флакончик. – Тут и пробочка на винту! Что ему сделалось?.. И что за жизнь пошла: то выбрось, другое выбрось – ничего беречь не хотят. Посурьезней будь, не всё смешками отходить!

Строгий, добрый, заботливый взгляд матери за всю жизнь нисколько не претерпел изменений. Помню, как она провожала меня в армию, и я, зная её натерпевшееся сердце, попросил не плакать. Она шла рядом с автобусом и как все провожающие махала рукой. Её взгляд, с надеждой на моё возвращение, сохранился в памяти и по сей день.

– Нет, Сережка, – слышится голос матери, – а ранешняя жизнь веселей и интересней была. Народ намного дружнее был, и, как бы трудно он не жил, а все же друг дружке помогали и не было такого, как сейчас! Как ты думаешь, отчего народ так пить сильно стал? – В ответ пожимаю плечами. – Понять не можешь? А я так думаю, потому что собираются где на гулянку, а ни песен, ни басен не знают! И сидят, как немтыри, один перед одним, глазами друг в друга лупают, а на уме у всех одно: скорей бы нажраться, как свиньям и что попало творить! Ну, разве не так? Мы же как-то выучивали песни, запоминали их. Бывало, соберемся на гулянку, кто пьёт: выпьет по рюмочке ли две, песен напоёмся, а утром – на работу! Всё – разворошил!...

Родители мои, Анатолий Никонорович и Варвара Павловна, похоронены на Озернинском сельском кладбище.

Как-то побыв на нём, я долгое время бродил среди могил хорошо знакомых мне по жизни людей, и как бы сами собой от воспоминаний и размышлений о времени, что окружало их, и о времени, в котором мы продолжаем жить, зародились в душе стихи:

*Я стою у могил
И смотрю в распростёртые числа.
Это – жизнь
Распростёрла в полёте крыла.
Я стою у могил
И смотрю в эти ясные лица,
Не сгорающих жизнью
Родного народа дотла.
И гудят голоса
В проводах моей памяти четко,
И ласкает душа
Горизонты увядших полей.
Желтизною шурша,
От осеннего ветра все гнётся,
Под печальный мотив
Улетающих вдаль журавлей.*

*Что бы там «за бугром»,
Ядовитое вслед не шептали,
Что бы здесь
Ядовито не вторили вслед,
Но любили и любят
Твои необъятные дали,
И стоит наша Русь
На биении этих сердец.*

*И неважно – крестом
Или звездочкой путь их помечен.
Мы едины в порыве –
До гроба за правду стоять.
Если даже и путь
Неприметен, ничем не отмечен –
Нам не все равно где
И за что на земле умирать.*

Конечно же, не всё равно. Так было и так будет до тех пор, пока народ о себе самом будет хранить, не надуманную, а – добрую память.

Сергей Еремин,
с. Викулово.

МЕЖ ЗЕМЛЁЮ И КОСМОСОМ – НИТЬ!

Николай Денисов

Представляю читателям стихи, ранее в периодике не публиковавшиеся и не входившие в мои книги.

Фотокорреспондентом В. Ивановым заснят как раз в ту пору, когда я, недавний выпускник Литературного института им. Горького, начинал делать первые номера «Тюмени литературной».

Автор.

ПО ДУШЕ ПРОСТОР

Саннный обоз. Идешь,
Снег под луной сплит.
Коль на ходу уснешь,
Ночь, как сова, не спит.

Столько на небе звезд,
Слепы они, грубы.
Млечный небесный мост –
Вектор твоей судьбы.

Слышишь, крадется дрожь?
Может, сулит беду?
Будет рассвет хорош:
Пляшет луна на льду!

Двигается, как во сне,
Грозной пурги волна.
Шуба сидит на мне
Теплая, как весна.

Завтра опять – обоз,
Тайный с судьбою спор.
Мне по душе мороз,
Мне по душе простор!

1963

СЛУЖБА

«Шире шаг!». И взмокли робы.
«Перекур!». Остыли малость.
«Полоса препятствий», чтобы
Служба медом не казалась.

В синем небе – росчерк дивный
Наблюдаем визуально:

«МИГ», конечно, реактивный
Бдит врагов потенциальных.

Упреждаем козни НАТО,
Начеку. Готовы к бою:
«СКС»* мой, две гранаты,
Ну и штык, само собою...

1963

КАРИБСКИЙ КРИЗИС

Кто штык точил, ворча сердито...
М.Ю. Лермонтов

Подлодки шли без всплытия – в каре,
Хрущев Никита

всматривался в волны.

Карибский кризис поднял на заре
И нас, морпехов, с выкладкою полной.

Почуяв кровь, обнюхивали цель
Ракеты всей космической корриды.
Дрожал Нью-Йорк.

И пламенный Фидель
В прищуре зрел агонию Флориды.

Влезал в шинели
штатовский конгресс,
Да я был сам настроен боевито:
В ладонях грел свой верный СКС,
И до рассвета штык точил сердито!

1965

ВАЛЕНТИНЕ

Ямало-Ненецкий округ!
Арктический хлад, покой.
Там солнце в тумане блеклом,
Висит над губой Обской.
И луны совсем не греют,
И властвует норд-борей...
Всё было, как в лотерее,
Как в карты – без козырей.
Три года из той сторонки:
То к Маю, то к Покрову
Сулилась одна девчонка
Приехать ко мне в Москву.
Ждал месяцы, годы... Хватит!
Но если бы – невзначай...
Душевный комбат, наш батя,
Сказал бы: «Беги, встречай!»
И я бы не дал промашку,

И были бы мы – ОДНО!
Для встречи б надраил пряжку
И всё, что сиять должно!
Не случилось... Прошло. Забыто.
Был дембель. С небес упал.
В другие потемки быта
Внедрился я. Кончен бал!
И что там, на том Ямале?
Что с нею? Узнать не смог.
Хорошею рифмой – Вале! –
Венчаю свой грустный слог.

1966

г. Москва, Литинститут

МОРОЗНЫЕ ДНИ

Город пышный, город бедный...
А.С. Пушкин

Зол мороз, подобен смерти,
Но терплю, гоню беду.
Пушкин – в гипсе –
тоже терпит
Под березкой в горсаду.
Ну, конечно, ободряет,
Славный лозунг:

«Власть – народ!»,
Но народ меня не знает,
Власть еще не признаёт.
Ни угла пока, ни блага,
Вот и я, бездомный гусь,
Ночевать тащусь «на хату»,
В ледяную дверь стучусь.
По карманам: пусто – пусто,
И в желудке – паритет,
И прозрачный суп с капустой
В забегаловке «Рассвет».
Зябко вертится планета,
Я пока не на «верху» –
В скороходовских штиблетах,
Что на рыбьем-то меху.
Ждет-пождёт тепла и солнца,
Также скудно, налегке,
Независимый пропойца,
Что живет на чердаке.
Снизойдем и побазарим,
Перемутим рай и ад,
Как «Варяг» с «Корейцем» в паре,
Кроя внутренних «микад»*.

*«СКС» – скорострельный карабин Симонова.

*Микадо – японский император.

Эх, сметаюсь я, однако,
Эх, куда-то занесёт! –
Иль к будённовцам-рубакам,
Иль к Махно, как повезет...
1968

г. Тюмень

ЭКСПРОМТ

Не печатайте стихов?
Не печатайте!
Ну, так пару «пузырьков»
Распечатайте!
Обещаю не дурить,
Не диканиться,
Буду Сулова любить,
Пельше кланяться.
Пусть немножко за глаза,
И потрепемся.
Наливайте, выпьем за
Маркса-Энгельса!
За родное бытие,
Нежность Светкину,
Иль за эту... как её...
Клару Цеткину!
1979

МОРЯКИ В БОМБЕЕ

Церковь – не церковь, скорей, синагогу
Разом узрели, пройдя поворот,
Стало быть, нет, не индийскому богу
Молятся здесь расчудесный народ!

Древнее здание. Может, античность?
Сунулись скопом в какую-то клеть.
Но приструнила возникшая личность:
Нечего, нечего тут лицедреть!

Ладно, проехали! Тщетны попытки!
Тычет под ребра поэзии бес:
Солнце еврейское скаредным слитком
Медленно плавится в тигле небес.

Завтра уходим! И – будьте здоровы!
Ширью морскою надышимся властью.
Господи, снова святая корова
Загородила проезжую часть!

20. 04. 1984

ГОЛОВА НИКОЛАЯ

Станиславу Куняеву

Быль или небыль, легенда, не знаю,
Будто б цела голова Николая,
Где-то в глубинном спецхране Кремля...
Боже! Прости нас, родная земля.
(Власть поглумились
над Русью хазары –

Дел часовых мастера да мадьяры.
В царской крови искупали ножи,
Всюду поспев убивать, латыши).

Будто бы сразу же после расстрела
Голову ту отделили от тела,
Бирку приладил уральский ревком,
В банке со спиртом отвез в Совнарком.

Срочно летели в столицу вагоны,
Тайно тряслась голова без короны,
Жаждала мести нерусская власть,
Жестко сработали жидомасоны:
Дальше – народная кровь полилась.

На Совнаркоме – вешдок и улика! –
Поликовали бандиты из ВЦИКа,
Свёрдлов отхаркал чахоточный спич,
К сведенью принял Владимир Ильич.

Был он в те годы пьянее железа,
Резники лишь ухмылялись тверезо,
В лад утверждали: пощады-то нет!
И боевито неслась «Марсельеза»
В средневековый его кабинет...

Верю, цела голова Николая!
Много о нынешнем времени знает!
С губ заспиртованных чудится вздох:
«Боже! Спаси нас от нового рая!»
Цел и опасен кремлевский вешдок.

Нету забвенья, прощенья нету!
Где-то в спирту она! Верьте поэту.
Коль не проплет
её ельцинский сброд,
Выстоит снова мой русский народ.

11. 07. 1990

ОТКРЫВАЕШЬ ФОРТКУ...

Не поймешь, как жить на свете,
То Чечня, то Карабах!
Открываешь фортку – ветер
Сплошь парашею пропах.

Кто правее, кто левее,
Кто по центру ломит, прёт
Ни за правду, за идею,
А за долларовый счет.

Не умчишь, куда ни целься,
Как свободный человек,
Коль лежит бухой на рельсах,
Схожий с Ельциным, субъект.

В кулаке рекламный «орбит»,
А рыгает огурцом,
Но зато он (вспомним Горби!) –
«С человеческим лицом».

1996

ЭЙ, ЗЕМЕЛЯ!

Я в поколение друга не нашел...
Юрий Кузнецов

На крыльчке златых откровений
Я лежу, как собака на сене,
Шарю в небе босою ногой.

Эй, земля, опнишь на минуту,
Хочешь, вдарим

по старым маршрутам?
Катер подан и конь под дугой!
Хочешь, вскачь поштормуем, пошпарим,
Соглашайся, пока я в угаре,
Не принудили стихнуть, остыть.
В море Лаптевых льдина блистает,
Антарктида в восторге икает.
Меж землей и космосом – нить!
Сонмы гадов и бедственный атом
Рассекретил я в веке двадцатом,
И Россию с березкой в окне.
С губ молчания сорваны пломбы,
Вновь открыл я Бомбей и Коломбо,
Но божую в родной стороне!
Ну!..

И прынул он – как от могилы,
Как ошпаренный взрывом тротила,
Как вода из-под мельничных плещ.

Не пойму этих – шелеста тише,
Изуроченных, зомби-людишек,
Толоконных физических лиц.

2001

ПРОБУЖДЕНИЕ ЕРМАКА

– О, сатана, помянут будь не к ночи!
Мне с рыбами якшаться нет уж мочи,
И с Водяным смириться не могу!!
Эй, кто там жив на русском берегу!?
Смирён Иртыш?

Иль снова зреет драка?
Князек остяцкий? Иль Кучум-собака?
По плеску волн коварства узнаю!
Не струсят,

в честном встретимся бою!
Меч уцелел! Кольчужка...

Можно биться!
И порох жечь, как в прежние лета!
Какое небо! Млечный Путь искрится.
И лунный свет. И струги. Лепота!
Бескрайна Русь!

Но в землях нет излишек.
И этот край, сибирские места,
Мы во владенье брали не бакшишем,
И замиряли верою в Христа!
Так пусть на пир

парчу расстелят травы!
А кто взярытся, кликнем палача,
На всех чумных отыщется управа.
И даже... шуба с царского плеча!..
Так говорил Ермак, итожа зычно:
«Ну, с Богом, что ль!..»

Гудели провода.
Луна цвела. Иртыш струил привычно.
Хороший знак. скажу вам, господа!

13 августа 2003 года

Виктор Козлов

ВЕСЕННИЙ ОСТРОВ

Поклонникам таланта Виктора Астафьева известно, что вскоре после окончания Высших литературных курсов (ВЛК), он из города Чусового, где, по его выражению, «прочусовел» восемнадцать лет, переехал в Пермь. Но от этого огромного, очень цивилизованного города он как-то быстро устал и переехал в тихую Вологду, где жили его приятели и знакомые по учебе в Москве: Сергей Викулов, Василий Белов, Ольга Фокина, Николай Рубцов... Но не все знают, что перед тем как перебраться в тихую Вологду, Астафьев совершил рекогносцировочную поездку в не менее тихую в то время Тюмень, и могло статься, что мы звали бы его земляком...

Было это 9 – 10 мая 1965 года.

Летом 1964 года в Сургуте я познакомился с тюменским писателем Владиславом Николаевым, вместе с другими литераторами готовившем – первую! – документальную книгу «Разбудившие недра» о нефтеразведчиках, и благодаря ему – под его нажимом! – за ночь написал я два очерка, стал одним из авторов книги, а зимой был даже приглашен на отчетное собрание тюменских писателей, проходившее в конференц-зале обкома КПСС под фактическим председательством первого секретаря Б.Е. Щербина. Весной меня перевели из Сургутской экспедиции в Тюменское геологуправление, и я стал часто встречаться со Славой Николаевым и другими тюменскими литераторами, с которыми познакомился на январском собрании.

Накануне Дня Победы Слава сказал мне: «Хочешь, познакомлю с замечательным человеком и прекрасным писателем? Завтра из Перми приезжает Виктор Астафьев. Читал что-нибудь его? Мы с ним еще по Красноярску знакомы. Борис Евдокимович приглашает его в Тюмень. Понимаешь, как здорово было бы, если бы он согласился переехать к нам? Щербина – интеллигентный человек, прежде он возглавлял Иркутский обком, а в Иркутске – писательская организация сильная была... Вот и здесь он решил укрепить писательскую организацию...»

Слава кратко очертил не простой жизненный путь приглашаемого писателя и назвал несколько его книжек. Я честно признался, что читал только рассказ «Конь с розовой гривой». Но и этого предостаточно: рассказ восхитил меня своей поразительной непридуманностью, словно был написан про меня: события, переживания, обстановка, выражения, мысли, все тика-в-тику, как в моем детстве!

– Ну вот, – заключил Слава, – коли так, забегай утречком часиков в семь, а дальше – по обстоятельствам.

Встречали Астафьева втроем: Иван Михайлович Ермаков, автор замечательных сказов, присоединился к нам.

Первое впечатление от встречи с Виктором Петровичем Астафьевым было не восторженное, а скорее жальливостеснительное. Вместо нарисованного воображением, после вчерашнего рассказа Славы Николаева, эдакого воина-победителя и ПИСАТЕЛЯ предо мной предстал... тысячу раз виденный мужик-пахарь, мужик-работяга, мужик-грузчик, короче, сосед – сверху, снизу, сбоку, кто-то – из родни старшей...

В самом деле: среднего роста, в стандартном тех времен «студенческом» пиджаке за сорок рублей, голубая вискозного шелка футболка, конопляного цвета небогатый чубчик без право-левого расчеса, лицо какое-то «измичкованное»: в контурах будущих морщин; у сбига правой брови к виску – когистою лапкой не загоревшие рассосавшиеся рубцы...

«От ранения, верно», – отметились где-то у меня в подсознании.

А Виктор Петрович не нуждался ни в жалости, ни в сочувствии: рукопожатие его было теплым и крепким, с приятной синопцой, с окатышами, голос скороговорчив и приятен, прищуренный взгляд был весел и цепок... И, вообще, как нынче говорят, чувствовалась его аура – доброжелательная и ...покорительная.

Все это я про себя отмечал автоматически, вслушиваясь в разговор Астафьева с Николаевым, с Ермаковым. И вскоре заметил, что Слава Николаев незаметно оттеснился ближе ко мне, на второй план: было очевидно, что Астафьев и Ермаков прониклись взаимной симпатией... Оно и понятно: фронтовики встретились! Да к тому же – своеобразные, яркие личности. Да еще в такой день! В 20-летие Победы!

– Как, может, сорокадюймовочкой отсалютуем? – сказочно улыбаясь, предложил Иван Михайлович.

– Не, мужики, – сказал гость, – спасибо за предложение, но – давайте пока трезво пообщаемся.

Весна в Тюмени в тот год рано дохнула, животворящей рукой своей прошлась по шевелюрам лесов, колков, парковых деревьев, и День Победы был в зеленом убранстве; утренний воздух был свеж и кислородно-голубоват. Нарядные улицы, улыбчивые люди, отраженные или прямые звуки духовых оркестров, матерински знакомые запахи пробудившейся земли, купоросная голубизна по-девичьи ясного неба. Все это волновало и празднично будоражило не только меня одного...

Неспешно шли мы пешком с вокзала к Славе. Он жил в самом центре Тюмени, в обкомовском доме, в том самом, где жил и Б.Е. Щербина (правда, в охраняемом милицией подъезде).

Но до Славы мы не дошли.

Сначала, минут сорок, наблюдали парад и шествие ветеранов Великой Отечественной войны, а затем – спонтанно! – вышли на берег Туры: посмотреть половодное её течение.

Сколько-то постояли, любуясь открывшимися далями и мощным коловращением водных прядей и лент реки.

«Все-таки умели предки выбирать места для поселения!» – резюмировали дружно.

На этом наш общий – «квартетный!» – разговор окончился...

Фронтовики, слово за слово, по «теме» дня, стали вспоминать былые дни и битвы, где вместе сражались они... Потом – послевоенные годы, когда они – «воины» – вынуждены были вращаться в еще более тяжелую мирную жизнь, озабоченные семьями...

Что Ермаков, что Астафьев рассказчиками оказались бывальными, артистичными: куда там иным эстрадным юмористам и конферансье! Поэтому мы вскоре вынуждены были присесть на крутой бережок Туры, на густо-щетинистую травку-муравку, я – возле Ермакова, Слава – притулился у правого плеча Астафьева.

Когда часа через три, около двух часов пополудни, решили мы «разбежаться» – курево кончилось! – мы со Славой едва встали: брюшные прессы наши были надорваны от смеха!

А вроде и с чего смеяться было-то? Рассказывали они порой обычные житейские истории, которые с любым случаются, или, наоборот, такие трагикомичные, от которых плакать надо, а не смеяться, но они та-а-ак рассказывали об этом,

так их освещали, ставили слушателя в такое положение, что ему ни-че-го не оставалось делать – как смеяться над собой – соучастником этого действия или казуса...

Любимая реакция Славы Николаева на хороший анекдот, остроту или байку – сказать с фурлыканием: «Хорошо-шо!», стукнуть кулаками и помотать головой в каштановых, густых и волнистых чашобах. Так Слава еще себе и руки отбил!

(О многом из того, что довелось мне услышать на берегу Туры, я позднее читал в ермаковских сказах, в повестях и рассказах известных астафьевских книг, в частности, в «Краже», в «Затесах», в «Последнем поклоне»).

Часов в шесть вечера, по приглашению Славы, я пришел к ним на улицу Володарского, на пятый этаж, на ужин, который приготовили в честь Виктора Петровича Астафьева жена Славы Оля, работавшая в Центральной лаборатории нашего геологического управления, и теща, профессор Уральского университета, приехавшая проводить внуку Анечку.

За ужином все почтительно слушали Виктора Петровича: он говорил интересно, горячо, остроумно, с шутливой самоиронией, о провинциальном литературном процессе, в связи с чем ссылался на примеры преподавателей или слушателей Высших литературных курсов; среди тех и других были уже известные или ныне известные люди.

Мне тогда, честно признаюсь, как-то даже резануло слух частое употребление Виктором Петровичем этих курсов, ссылки на них: я с высоты своего высшего технического образования, к выпускникам курсов, которые мне уже сподобилось вести, относился все же несколько покровительственно, хотя среди них были тоже уже известные в своем деле личности: буровики, вышкомонтажники... Но, с другой стороны, – «Конь с розовой гривой» и – курсант... Ему-то, вроде, такому мастеру, и учиться? Чему? У кого?

О ВЛК – Высших литературных курсах – В.П. и печатно многократно с добрым словом вспоминал, а тогда – чуть что: ВЛК!

Дословно (на память цитирую).

«Курсы... Да будет память светла и вечная благодарность тому партайгеноссе и секретарю Правления, кто придумал для нас, по сути, для фронтовиков, это учебное заведение, «наш университет», где мы не только получали знания, но и получали уверенность в своих творческих возможностях...»

А в ночь на 10-е мая 1965 года он говорил: «Вот он, русский человек! Ему готовое, пережеванное культурно в рот суют, а он – нет! Я – сам!.. Постигнуть то, что я за два года постиг на курсах, – говорил он, – мне бы – самообразованием! – в Чусовом понадобилось десятки лет! Я был как уготованное поле: бросай зерна, и буду я густой озимью. И я, хоть тоже много времени потерял, живя в литинститутском – а там, как на перекрестке, на виду, – в общежитии. Срывался, чего греха таить: не аскет. Но... у меня была главная потребность: учиться! Внутренняя! И я чувствовал, что... у меня есть она – внутренняя потребность учиться».

Засиделись мы допоздна. Слава как радушный хозяин деликатно подвел к тому, что – надобно бы спать...

О других не буду, только – об Астафьеве.

К моему удивлению, у Виктора Петровича оказался сильный и приятного тембра лирический баритон. Все (даже я!) подпевали.

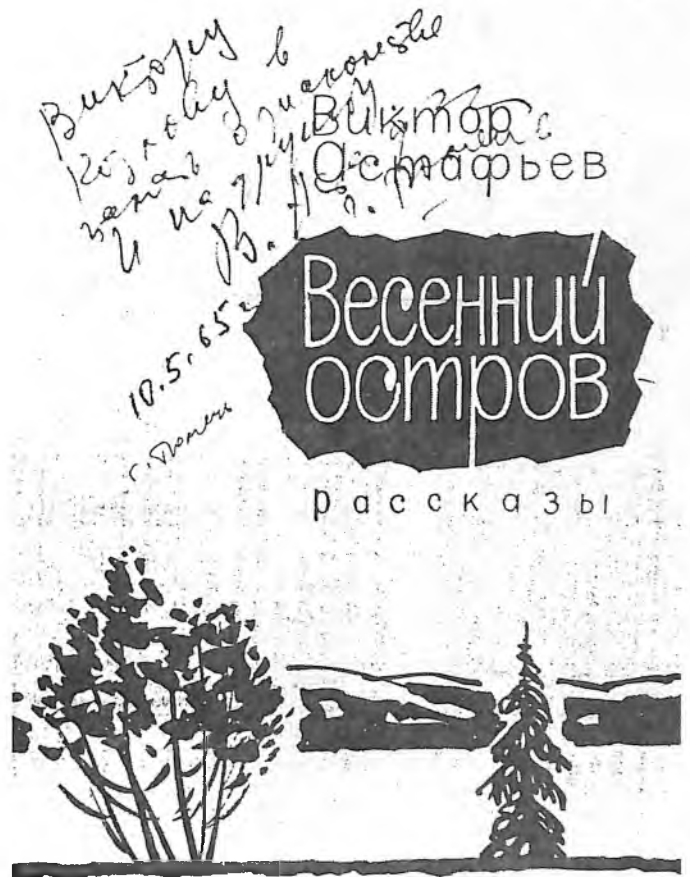
Пенье – все же труд, ибо после него...

Перекусили незамеченной сменой блюд (ай, да Оля!).

В относительной тишине Слава сказал мне: «Вить! Прочти что-нибудь из своего».

До этого – Бог свидетель! – я ни в чей разговор не вступал, а тут – словно прорвало меня! Одним дыханием, казалось мне, я выдал десятка полтора своих стихотворений, под, казалось мне, восторженное одобрение слушателей (Сам Слава фурлыкал: «Хорошо!» и мотал головой).

Виктор Петрович, правда, покрывал гул одобрения, иногда делал замечания, некоторые из них я принял без внутрен-

него сопротивления, и до сих пор включаю эти стихи в свои сборники в «астафьевской», так сказать, редакции. Так, в одном из стихотворений он тогда предложил строку с «меридианами, как на родной планете», заменить «с меридианами, как на ЗЕМНОЙ планете». Я сразу (с теплотой) понял расширительный смысл его замечания. «Тоже знаком с теорией Козырева о множественности обитаемых миров, – подумал я. – Видно на курсах им и по космогонии лекции читали...»

10 мая 1965 года Виктор Петрович Астафьев сходил в Тюменский обком партии. Принял его не Б.Е. Щербина, а секретарь (видимо, по идеологии) Панюшкин: о чем они говорили, мне неизвестно. Одно знаю: В.П. Астафьев вскоре стал вологжанином.

В книге публицистики «Все мое время» Виктор Астафьев пишет: «Мне повезло: в Вологде, где я прожил более десяти лет, серьезно и уважительно относятся к настоящей литературе. Доверие, деликатность, внимание и заботу проявляют здесь о писателях не на словах, а на деле, заботу, а не мелочную опеку. И терпимость...»

Окажись Виктор Петрович Астафьев в Тюмени, возможно, он имел бы все, что имел в Вологде. Но, уверен, в творческой жизни Тюмени какие-то изменения наверняка были бы! Но он выбрал Вологду. А позже – свою красноярскую родную Овсянку.

10 мая 1965 года он подписал мне свою книжку «Весенний остров» кратко: «Виктору Козлову в память о знакомстве и на дружбу».

... сейчас море изданий! Прибоем легким, девятым валом накатывают они на читателя. Но, выгребая из тины, выныривая из пучины морской, оглядитесь в литературном море, – и вы увидите рядом «Весенний остров» российской литературы – творения Виктора Астафьева.

г. Мегион.

Тюмень литературная

МЫ ОСТАЛИСЬ РОМАНТИКАМИ

Когда оглядываешься назад, на минувшие творческие и житейские дни, – невольно заново переживаешь горькую утрату друзей – коллег по перу. Утрату трагическую, преждевременный уход из жизни еще молодых, вдохновенных поэтов. Вот они – проходят перед моим печальным взглядом – Анатолий Кукарский, Владимир Волдин, Владимир Нечволода, Владимир Кочкаренко, Булат Сулейманов, Геннадий Калабин... И словом, и делом они служили родному краю, области, Отечеству. Так Нечволода возил первую тюменскую нефть из Урая в Омск, работал рулевым на пароходе «Капитан». Кукарский работал собкорром в Салехарде, потом бывал на Самотлоре. Писал очерки, стихи о геологах, нефтяниках. Калабин долгое время вел походную жизнь в поисковых экспедициях в Нижневартовске, там и погиб трагически. Сулейманов работал строителем в Сургуте и Нижневартовске, прежде чем перебраться в Тюмень.

Я ни разу не слышал в наших разговорах от тюменских собратьев-поэтов жалоб, сетований на невнимание властей, что нам нужны, мол, определенные льготы, хорошие квартиры и т.д. А московские коллеги, прямо скажем, вскипали по этому поводу: нам должны, нам обязаны, мы заслужили

особого отношения. Вначале мы, провинциалы, были шокированы таким поведением столичных товарищей, а потом поняли, что им все будет мало, и махнули рукой: время лучший лекарь и судья. Хотя, впрочем, люди они были – по-высшему счету – славные.

Мы, тюменцы, были неисправимыми романтиками. Мы жили вдохновенными порывами сказочных открытий, преобразования наших таежных земель, благодаря непрерывному потоку людей со всех концов Державы. Мы стали радостными участниками этих преобразований. Я, например, будучи собкорром окружной газеты «Ленинская правда», неоднократно освещал рождение городов Урая, Нефтеюганска, Сургутского речного порта.

У каждого из наших ребят-писателей была своя яркая судьба. Прозаик Геннадий Кузьмич Сазонов после окончания Саратовского государственного университета работал в Ханты-Мансийском округе геологом, начальником поисковой партии. Шестнадцать полевых сезонов провел в маршрутах по хребтам Приполярного и Полярного Урала, открывал залежи бокситов, цветных и черных металлов. И писал, писал у походных костров или в палатке. Мы все тогда буквально горели огнем творчества. Мы были совершенно чужды мыслей о каких-то почестях, наградах, премиях. И ныне считаю дикостью поступки молодых авторов, которые, издав первую книгу, сразу требуют литературную премию. Именно требуют! Мол, моя книга достойна такой-то премии. Желают немедленной публикации своих произведений, желают хвалебных статей о себе. Эта жажда премий – вирусная литературная болезнь, идущая ныне из Москвы в провинции...

Сегодня мы можем гордиться писателями, с которыми рядом прошла наша творческая юность. Прозаик Константин Яковлевич Лагунов... Он, кстати, был первым ответственным секретарем Тюменской областной писательской организации. Он благословил меня на первую поэтическую книгу, постоянно поддерживал меня на нелегком житейском пути.

Иван Григорьевич Истомина, писатель-коми, человек-легенда. Больной, еле передвигающийся на костылях, он

был оптимистом, жизнелюбом, советником и наставником всех молодых северных авторов.

Схожи по военной стезе биографии Анањева Евгения Григорьевича и Попова Вячеслава Вонифантьевича. Оба воевали на фронтах Отечественной войны, там и родились их боевые строки, овеванные порохом и дымом снарядов и мин. Первый из них стал жить в Тюмени, второй в Ханты-Мансийске. О Попове я уже писал. Редкой храбрости и мужества человек. Ушел на войну рядовым, а вернулся гвардии майором, награжденный орденами и медалями. Талантливый поэт. Его стихи о войне по праву считаются хрестоматийными.

Иван Михайлович Ермаков прозаик, сказитель, продолжатель творческих традиций Павла Бажова, и поэт Евгений Федорович Вдовенко – тоже ветераны войны. С обеими меня связывала светлая мужская дружба. Редкие благородные личности и таланты. Вечная память вам, друзья!

Как говорится, из той далекой гвардии вместе со мной ныне здравствуют писатели Маргарита Кузьминична Анисимкова, Зот Корнилович Тоболкин, Николай Васильевич Денисов, Николай Павлович Смирнов. Мы, как прежде, идем в творчестве и бытие рядом, не предавая себя, и никогда не предавая старых и новых друзей. Мы навсегда остались романтиками. Но мы ясно сознаем, что после развала социалистической державы живем в мире зла, в мире насилия и лжи. Я поэт своего времени, я не могу умолчать о своих сомнениях, тревогах, надеждах.

Сегодня ученые многих стран, политические аналитики снова спорят: что такое государство? Например, что из себя представляет нынешняя Россия? Она вся поделена на территории-губернаторства, где каждый губернатор воистину царь-государь. Россия после переворотов, изменений, жестоких козней, умыслов внешних сил и своих внутренних предателей явилась миру в новом – странном до предела – качестве. Она потеряла государственность. Она обрела уродливый лик системы, состоящей из элементов капитализма, социализма, рабовладельческого строя. Людей

продают вовсю в Москве и С.-Петербурге. А детей стали продавать уже и в сибирских городах. Есть у России и элементы феодализма. Например, некоторые работодатели (не правда ли – какое самоговорящее слово!), обманывая тех же строителей, расплачиваются с ними продуктами за все время возведения дома или другого объекта. Люди живут в постоянном унижении, страхе, превращаясь в бессловесных животных. Такие же картины случаются и на рыболовных судах...

Вернемся к вопросу: что такое государство? Это страна, которая имеет духовный социальный стержень, скрепу, делающую управленческие структуры гибкими, творческими, животворящими. Это страна, которая имеет идею, зажигающую души людей, идею, которая направляет волю людей в русло государственных интересов. У России же теперь нет никакой столбовой дороги. Единственный её движитель по рецепту США и Европы – доллар. Покинув свою знаменитую тройку, образно говоря, она, Россия, по совету своих лжедрузей пересела в дилижанс, и теперь катит неизвестно куда.

В мире, на мой взгляд, осталось совсем малое число стран, имеющих право называться государством. Это Куба, Китай, Северная Корея, общества которых одухотворены идеей. Это Индия и Япония сильные своими вековыми традициями, основанными на святых для народа религиозно-философских толкованиях жизни и языческом отношении к природе. Это Норвегия, Финляндия, Швеция, где борьба за патриотическую здоровую и красивую нацию стала идеалом движения в будущее. И... последнее пояснение к моей точке зрения. Разве можно назвать США государством, которое за свою историю только тем и занималось, что уничтожало, грабило и насиловало народы мира? Это разбойная система, которая своё благополучие построила за счет смертей и страданий десятков миллионов индейцев, рабов-негров, латиноамериканцев, мусульман и славян разных стран.

Я бережно храню тетрадные записи лекций о социализме профессора, доктора философских наук Георгия Ивановича Куницына, прочитанных на высших литературных курсах в Москве в 1985–87 годах. Георгий Иванович, знаменитый в свое время человек, работал в ЦК партии, находился в окружении Брежнева. Однако попал

в опалу из-за критических замечаний Генсеку. Его перевели на должность заведующего отделом общественной жизни в газету «Правда». Но и здесь он не прижился. И тогда он сказал знаменитую в столице фразу: «Теперь я пойду к писателям, они меня поймут».

Да, мы поняли его. Мы боготворили его.

Поначалу все мы – 36 поэтов, прозаиков и драматургов – были буквально огорошены его рассказом об истинном, настоящем социализме, о чем нигде и никогда в нашем обозримом времени не говорилось и не писалось. Оказывается, социализм как идея исключает любую диктатуру, как ведущей партии, так и отдельных личностей. Идея предполагает развитие гармоничного человека, благородного в своих принципах общества. Это труднейший путь. Первый в истории человечества эксперимент. Но это не утопия. Это достижимо, если нам не помешают внешние враги, внедряющие своих агентов во все поры молодого государства. Примерно такие первые мысли произносил Куницын. Поразило нас и другое. Настоящий социализм при многогранно развитой, способной конкурировать с ведущими капиталистическими странами экономике, допускает частное предпринимательство, производство, берущее на себя бытовые нужды населения. И кадровая политика решалась по своему, с участием народа. Словом, об этом можно говорить много, но в других условиях и возможностях.

Все мы ждали политических и экономических перемен в огромной Державе. И они, похоже, нагрянули. Перестройка. Митинги. Бушующие страсти толпы. Невидимые силы будоражили, взвинчивали их, провоцируя беспорядки. Вместо деловых и решительных мер начался хаос. А потом последовал переворот Ельцина и Россия получила в итоге то, что имеет.

Как вели себя писатели в этой общественно-политической заварухе? Это важно, ибо народ еще верил писателям, верил в их духовную силу. Руководство Союза писателей России во главе с Юрием Бондаревым создало чрезвычайный пленум. Я был тогда ответственным секретарем Угрюмальной писательской организации. Телеграмма на пленум застала меня в селе Леуши Кондинского района у мамы. Сюда в глушь привели тревож-

ные обстоятельства. В Ханты-Мансийске я выступил по окружному радио, разоблачая Ельцина и его приспешников в преступных замыслах, чем вызвал гнев новоявленных демократов не только у себя в городе и области, но и в Москве. Посыпались угрозы в мой адрес. Звонили даже ночью. В этих условиях я не имел права рисковать здоровьем своих родных и уехал к маме.

В Москве я попал, как говорится, из огня да в полымя. На Комсомольском проспекте, 13, у здания Союза писателей, возводилась баррикада с помощью москвичей. Пришел на помощь нам отряд вооруженных омоновцев. Такая, можно сказать, военная обстановка была вызвана ультиматумом московской мэрии. Мол, здание принадлежит мэрии, требуем покинуть его. Иначе национальная гвардия возьмет его штурмом...

На пленум приехали все, кого вызывали, кроме Ювана Шесталова – секретаря Правления. На следующий день стало известно, что Шесталов уже ходит по кабинетам новой власти, предлагая себя в качестве книгоиздателя и расхваливал Ельцина как спасителя России. Такое позорное поведение не прощается. О Шесталове больше не вспоминали. Он сам поставил на себе – как на писателе – чёрную метку.

На пленуме меня избрали секретарем Правления Союза писателей России. С тем я вернулся в Ханты-Мансийск, где все еще шумели демократы. Правда, воинственный пыл их угасал, ибо с каждым днём усиливался развал жизненных и экономических устоев. Полностью был парализован речной транспорт. Из аэропорта очень редко взлетали самолеты. Не хватало горючего. Дышал на ладан некогда известный всей стране рыбоконсервный комбинат.

Но мы, писатели, верили, что пройдет и эта разруха, как черный ветер. Что нельзя впадать в уныние и ожесточение. Надо верить – воспрянет Отчизна. А как иначе: у неё самый терпеливый и самый талантливый народ на свете – граждане России. И сразу вспоминаются слова нашего гениального поэта:

...И в наш жестокий век
восславил я свободу,
И милость к падшим призывал.

Андрей Тарханов,
г. Ханты-Мансийск.

ШАЛЬНАЯ ВОЙНА

Еще вчера по улицам носились горячие песчаные вихри. За окном серо-желтая мгла закрывала небо, и все вокруг, даже мечети – самого высокого здания в городке, не стало видно. Но сегодня все переменялось: над желтой от нанесенного песка улицей синее-синее небо без единой тучки. Ахмет, потягиваясь после сладкого сна, подошел к окну. Сегодня выходной, в школу спешить не нужно. Он пялился в окно, прижимаясь носом к прохладному стеклу. Ему хотелось увидеть всю улицу в одну сторону, потом в другую, от чего его нос, приплюснутый стеклом, выгибался то влево, то вправо. Из-за мечети уже появилось яркое солнце, и улица разделилась на две неровные части по всей ее длине: на узкую светлую – под самым домом Ахмета, и противоположную – затемненную. Убаюкивающее завывание песчаной бури сменилось тишиной уже после полуночи, и сегодня Ахмет проснулся раньше обычного. Проснулся от тишины.

– Стихло, слава Аллаху, – сказала мама Ахмета. Она подошла к сыну, глянула на улицу сквозь стекло, протерла пробившийся сквозь щели песок на подоконнике, открыла створки окна настежь. Какой-то непривычный гул привлек слух Фатимы. Она высунулась в окно и увидела в конце улицы, за поселком пыльную тучу. – Тагир! – крикнула она, повернувшись в комнату, – посмотри: там какая-то туча.

В комнату вошел одетый в домашнюю пижаму отец Ахмета. Он сначала прислушался, остановившись посредине комнаты, потом осторожным движением подвинул жену, выглянул на улицу.

– Большая колонна машин, – сказал глухо Тагир, – американцы, наверное, – продолжил спокойно.

И как бы в подтверждение его слов затрещали далекие короткие строчки автоматов, прогремело два выстрела орудий. Потом еще автоматные очереди, снова гром орудий, но уже ближе. Небольшой поселок не долго сопротивлялся, и колонна из десятка танков и нескольких пехотных машин, практически не останавливаясь, вошла в селение, поднимая клубы принесенной недавним суховеем песка и пыли.

– Отойдите от окна, – по-военному командовал отец Ахмета.

Он взял за плечи жену и сына, и отвел вглубь комнаты.

Уже больше двух недель заокеанские поборники демократических перемен со скошенными до боли глазами на подземные нефтяные моря Ирака штурмуют города и селения, продвигаясь вглубь страны. Отец Ахмета ничуть не удивился такому повороту событий. Не удивился он и тому, что не последовало сопротивления американским войскам. Из городка регулярные войска Садада ушли накануне, уверяя население, что готовится специальная операция по нанесению урона оккупантам в другом месте, а здесь принимать бой – только силы распылять. Баррикады на въезде в городок строили местные ополченцы, но их смяли быстро, на ходу. Часть же защитников городка просто побросали оружие и разбежались,

не выдержав огневого напора наступающих войск, часть погибла на месте. Расстрелянные в упор танковыми орудиями, ополченцы даже опомниться не успели. Силы были явно не равны.

– К окну не подходи, Ахмет, – отец закрыл створки.

– Почему?

– Там стреляют, – Тагир рукой показал в окно, – шальная пуля может залететь.

– Шальная пуля, – передразнил отца Ахмет, и засмеялся.

Уже совсем близко затараторили очередями автоматы. Ухнуло оружие так, что окна задребезжали, дом вздрогнул. Ахмет закрыл глаза, испуганно съежился. «Шальная пуля», промелькнуло в голове. Он испугался. В его тихом городке еще так никогда не грохотало. Отец обнял его:

– Бояться не нужно, главное – к окнам не подходить, – еще раз повторил отец. – Играй в этом углу. И да хранит тебя Аллах.

Тагир вышел в другую комнату, набрал номер телефона. На работе не отвечали. Телефон директора школы тоже молчал. Экран включенного телевизора рябило. Радио, заглушаемое оккупационной коалицией, визжало и хрипело на разные лады.

– Я в школу, – сказал Тагир жене, обняв ее за плечи, – да хранит нас Аллах.

В подвале школы, где Тагир работал учителем, уже давно хранилось оружие на случай предстоящей войны. Еще один схрон устроили на пустыре за спортивной площадкой, где под большими каменными глыбами зияли пустоты. Вход замаскировали, «посадив» сухой куст. Большинство учителей, как и он, решили не воевать. «Ради чего воевать?» – думал он. – «Садам струсил, спрятался. Болтать он мастер, а как прижали, так в кусты». Так думали многие. Тагир накиннул легкую куртку.

– Будь осторожным, – тихо сказала Фатима.

– Меня не тронут – я в гражданской одежде.

Тагир вышел во двор, обогнул дом. Школа дымила разбитыми окнами, сквозь черные клубы дыма прорывалось пламя. На площади перед школой толпились люди, истошно кричала какая-то женщина. Тагир увидел, как развернулась башня танка, наведя ствол в сторону разрушенной наполовину школы. Ухнуло оружие, стена обрушилась, и с новой силой вздыбилось пламя над пыльными клубами, разбегавшимися в разные стороны. Смолкли автоматные очереди из школьных окон. На время стихло. Сердце защемило. Он видел, как американские танки, разворачиваясь на месте, смяли клубы, снесли спортивный турник, уничтожили тяжелыми гусеницами изгородь из декоративного кустарника. Дети сами сажали кусты, ухаживали, поливали. Был там и кустик Ахмета. Как раз именно тот куст попал под жезло. Тагира передернуло, словно от тяжелого предчувствия.

Пыль немного рассеялась, к Тагиру подбежали трое американских солдат. Один с размаху ударил прикладом в плечо, другой резко развернул, дернув куртку сильной рукой, бросил его к стене лицом. Грубо обшаривая одежду, солдаты больно тыкали при-

кладом или стволом автомата где-то между ребер, что-то кричали прямо в ухо. Тагир не сопротивлялся. Да и как может сопротивляться безоружный человек трем вооруженным до зубов, обученным солдатам? Горькая обида и стыд, беззащитность и щемящее бессилие перед грубой наглостью и беспардонностью солдат, пришедших на его землю, якобы для его же свободы, не давали возможности сосредоточиться. «Не увидели бы ученики» – промелькнуло в голове, он оглянулся и тут же получил удар прикладом в лицо от темнокожего янки. Солдаты, перекинувшись репликами и обыскав, оставили Тагира, стоящего лицом к стене, а сами побежали в сторону идущего одинокого старика. Та же унижительная процедура. Тагир сделал шаг в сторону старика, но его остановил солдат, нацелив автоматный ствол. Сердце бешено колотилось, в висках зашумело до боли, и он сделал еще шаг. Ствол автомата в руках солдата опустился, вздрогнул, и рядом под ногами вздыбилась сухая земля, порхнув пылью. Тагир замер, и только теперь понял всю опасность своего положения. Вспомнил о сыне, о жене. Солдат что-то кричал, помахивая автоматом, давая понять, что ему лучше удалиться? А те двое обыскивали старика, тыкая его стволом автомата. Тагир видел, как изгибался тот от боли. Старик повернулся и крикнул:

– Уходи, Тагир, не связывайся...

И тут же голову старика встряхнул удар. Он присел на колено, затем тяжело встал, отвернувшись к стене. Такого унижения он еще не испытывал.

– Не прикасайтесь к старику, нечестивые! Аллах покарает вас! – крикнул Тагир. И снова под ногами взвизгнули пули.

Он шел домой, низко уронив голову. Тяжелые думы возвращали его к стоящему лицом к стене, уважаемому Мухамеду, известному в поселке аксакалу, служащему в мечети сторожем и садовником уже много лет. Говорят, и отец его, и дед ухаживали за зелеными газонами. Все деревья вдоль каменной изгороди посажены его руками, руками его отца и деда. Многих путников спасала от иссушающей жары тень выращенных деревьев. Два сына этого святого человека погибли в бессмысленную войну с соседним Ираном. Однако старый Мухамед в каждой молитве просил у Всевышнего здоровья и благополучия Садада, и неистово молился за спасение душ убиенных сыновей своих.

Тагир поравнялся с мечетью, нырнув в спасительную тень, снова вспомнил старика, стиснув от бессилия кулаки.

Свернув на свою улицу, Тагир еще издалека увидел на площади, где-то напротив своего дома, два остановившихся танка и бронемашина. Несколько солдат, остановившая одиноких прохожих, быстро их обыскивали и те уходили, понуриив головы. Здесь на площади, где народу снова побольше, откровенной грубости солдаты себе не позволяли. Тагир перешел на противоположную сторону улицы, где еще сохранялась укоротившаяся тень. Окончательно испортившееся настроение нагнало унылые воспоминания о недавней службе в армии.

Где она эта «народная» и «непобедимая» армия?

Где те танки и самолеты, которыми так гордился «мудрый» и «великий» Саддам?

Конечно, ему никогда не забыть тех маршбросков под палящим солнцем, того тычка в зубы, той наглой улыбки офицера, так внешне похожего на Саддама. Саддамовские усы носили в то время все офицеры от самого низшего чина и до генералов. Так было модно. В моду вошли и саддамовские потешки, когда за малейшую провинность солдат заставляли до потери сознания ползать по горячему песку, не давая пить, или не позволяли спать провинившемуся. И когда тот начинал валиться от усталости, получал палкой по пяткам или по пальцам. И он терпел, как и многие те лишения и оскорбления. Но от своего офицера. Но как же больно терпеть унижения от оккупанта, цинично заявлявшего еще вчера, что он освобождает его Родину от кровавого тирана. А звали я вас наводить порядок в моем доме? И почему вы думаете, что ваша рука на моем горле приятней?

Тагир замедлил шаг. Он и не заметил, как вышел на площадь. Что-то заставило его оглянуться. На другой стороне площади американский солдат, закованный в броню, стоя на бронемашине, прицеливался из винтовки в сторону его дома. Он боковым зрением заметил, как в окне что-то заблестело.

— Не стрелять! — крикнул он, срывая голос. — Не стрелять!

Тагир побежал в сторону солдата, отчаянно махая руками, затем развернулся в сторону открытого окна. Его Ахметка стоял у окна и каким-то блестящим предметом отражал солнечные зайчики.

— Уйди от окна! — кричал уже в падении Тагир. Как не кстати запнулся он за вывороченный булыжник.

Он не услышал выстрела, не почувствовал боли от удара о камень. Он ничего не успел увидеть. Отдаленные голоса вернули его в действительность.

Но, вот голоса стали отчетливой, и он увидел свою жену с распущенными волосами и с сыном на руках. Пошатываясь, и не понимая произошедшего, он бросился навстречу, снова упал. Кровь липкой струйкой противно текла по лицу, закрывая глаза. Подоспели несколько человек. Кто-то помог Тагиру удержаться на ногах. Он подбежал к жене и взял на руки обмякшего Ахмета.

— Папа, мне больно, шальная пуля... — шептал он.

— Потерпи, сынок, сейчас отправим тебя в госпиталь к дяде Амиру. Он спасет тебя, — Тагир склонился над сыном, поцеловал его. Кровь с его виска капала на волосы сына, стекала струйкой по подбородку и смешивалась с сыновней кровью где-то у правого плеча мальчика.

— Машина нужна! Саид, заводи свою! — крикнул сосед Тагира, услышавший его слова.

Народ заволновался, заголосоила Фатима и бросилась через площадь к бронемашине. Солдаты соскочили с машин и выстроились стеной.

— Вот этот рыжий стрелял, я видел, — кричал мужчина в белой футболке.

Фатима бросилась на него, замахнувшись своим маленьким женским кулачком. Рыжий трусливо съехал, приподняв плечи и прикрывшись рукой. Рядом стоявший товарищ выскочил навстречу женщине и ударом приклада уложил ее на мостовую.

— Don't come up! Не подходить! — крикнул он в толпу.

Толпа остановилась, замерла. Солдаты оцетинились автоматами.

— Back forward! Назад! — закричал опешивший рыжий, и с перепугу дал автоматную очередь под ноги остановившейся толпе. Несколько человек упали, подкошенные рикошетами. Солдаты, ползаясь замешательством, четко по команде забрались в стоявшие за их спинами боевые машины. Взревели мощные двигатели, и колонна, поднимая пыль, тронулась с места. «Победители» растворились в пыли. «Побежденные» остались на площади маленького городка.

В микроавтобус сначала усадили Фатиму, на руки ей уложили слабеего Ахмета. Все происходило словно во сне. Голоса мальчик слышал плохо, будто издали. Временами, вокруг все затихало, потом снова появлялись голоса, шум двигателя. Очнувшись снова Ахмет уже от покачивания машины. Рядом в микроавтобусе находилось еще несколько окровавленных человек. Кровь, кровь, кровь...

— Папа, — прошептал Ахмет.

— Папа остался там, дома, — все не могут поместиться в машине, — шептала Фатима. — Он будет молиться. Аллах поможет. Аллах любит детей.

— Я не хотел... Я не послушал тебя... Нельзя подходить к окну... шальная пуля... — бредил мальчик.

II

Тагир пытался связаться с Амиром, но напрасно: связи с госпиталем, что находился в соседнем городе не было. Не смог он связаться и вечером. Через созданные оккупантами блокпосты днем проскочить невозможно, ночью машины из городка тоже не выпускали: комендантский час. Неизвестность не давала сомкнуть глаза. Ночь оказалась долгой и бесконечной. Казалось утро так и не наступит. Тагир ходил из угла в угол, через каждые несколько минут подходил к тому окну, вглядываясь в темноту. Электричество к вечеру починили, но он не включал свет и мерил в темноте километры своего бесцельного пути.

На следующий день прорваться в госпиталь тоже не удалось. Прошел слух, что на блокпосту произошло какое-то чрезвычайное происшествие, и дорога заблокирована. Пытавшихся проехать в обход по пескам, американцы без предупреждения расстреливали из орудий.

Жить в неведении свыше всяких сил. Мольбы и молитвы, обращенные к Аллаху, больше не унимали душевную боль.

— Пешком пойду, — сказал Тагир своему соседу. — Не могу больше терпеть. Я должен знать, что с моим сыном.

— Это самоубийство. Ты потерял много крови, ты можешь нарваться на засаду, на патруль. Пощады от этих «освободителей» не жди. Сам знаешь.

— Пойду. На все воля Аллаха.

— Ты не спал сутки...

— Я когда-то служил в армии Саддама. Я еще не такое переносил. Там и по трое суток спать не давали.

Солнце клонилось к закату, теряя свою яркость, и последние лучи его, скользя по пескам уже не жгли, а нежно касались всего в округе, отбрасывая длинные тени. Тагир сначала направился на пустырь, что за школой, где под сухим, посаженным для маскировки, кустом было спрятано оружие. «Зачем мне оружие? Я ведь не воевать иду». Он понимал, что, взяв оружие, он может ввязаться

в бой, а это неизбежный конец. Умирать ему нельзя. Он нужен своему сыну, своей Фатиме живым. Они нуждаются в его помощи.

Уже в сумерках силуэт мужчины с перевязанной головой, направился на север. Он шел по низине, пригибаясь, прячась за одинокие камни. Услышав шум моторов, Тагир прижался к земле, но поздно: его заметили.

— Стой! Кто идет? — на английском крикнули в сумерках.

Тагир не отвечал. Он знал, что осторожные и трусливые американцы побоятся его преследовать, тем более в наступающей темноте, но свинцовым огоньком угостят с удовольствием. Он скатился по осыпающемуся песку и залег в углубление под большим камнем. Глубоко под камень уходила суживающаяся щель. В таких местах водятся змеи, и вспомнив армейскую науку, он снял ботинок с ноги, надел его на руку. Просунув защищенную руку в углубление, с шумом поскреб по нависающему камню. Так проделал еще и еще. И не зря: из-под камня выползла огромная гюрза и, изгибаясь, уползла восвояси. Он отвоевал себе небольшое пространство в этом бесконечном мире.

Застрочили автоматы, песок вокруг вздыбился пылью, взвизгнули пули. «Пуль не жалеют. Щедрые», — подумал Тагир. Ухнуло оружие. Большой обломок камня рухнул сверху, завалив выход из его убежища. Тагир успел убрать ноги, свернувшись клубком. Еще несколько раз выстрелили из орудия или гранатомета. Пули визжали вокруг, густо фаршируя песок свинцом. Быстро стемнело, и стрельба прекратилась. Мощные фонари резали темноту, но лучи скользили поверху. Низина лучами не просвечивалась.

Тагир с трудом отодвинул свалившийся камень, бесшумно выскользнул из своего укрытия, какое-то время прополз по еще теплому песку, затем поднялся и пошел, сгибаясь скорее по привычке, чем по необходимости.

Он сначала шел, пробуксовывая в песке, спотыкаясь о камни, затем повернул влево в надежде выйти на дорогу. До самого города ему не встретилась ни одна машина: комендантский час соблюдался неукоснительно.

В том месте, где дорога делала крутые повороты, обходя небольшие каменные возвышенности, он в лунном свете увидел двух мужчин. Они что-то делали у обочины, разговаривая полупешотом на родном языке. Прятаться было поздно, да и почему он должен избегать встречи со своими? Будь, что будет. И он подошел почти вплотную.

— Кто такой? — спросили его. Автоматы, еще секунду назад торчащие за их спинами, щелкнули затворами.

— Я иду в город. Туда увезли моего раненого сына. Наш поселок оцеплен, никого не выпускают.

Автоматы опустили стволы в землю.

— Не один ты такой. У него, — повел в сторону седобородого молодой человек, одетый в спортивный костюм, — вся семья погибла.

Немного помолчали. Тот, что постарше внимательно разглядывал Тагира, его пыльную рубашку, повязку с присохшей кровью на голове, брюки, еще не потерявшие некогда наглаженную стрелку, легкие летние туфли.

— Кем работаешь? — спросил сипло.

— Учителем. Меня Тагиром зовут.

— Закури, учитель, — с почтением сказал молодой, протягивая сигарету.

— Я не курю, спасибо.

Новые знакомые Тагира прикурили, прикрывая огонек ладонями, как поступают, укрывая огонь от ветра. Курили, пряча сигареты в полусжатом кулаке, оглядываясь, время от времени по сторонам.

— Я в мечеть ходил, — после паузы продолжил старший. — Домой возвращаюсь: дома нет. Зачем разрушать дом, где оставались одни женщины. Теперь у меня нет ни жены, ни дочери, ни моей сестры. Почему должны погибать женщины и дети? Ради чего? Я не хочу менять жизнь своих родных на какую-то свободу. А будет ли она эта свобода? — хриплым голосом поведал о своем горе седобородый, тот, что стоял сбоку.

— Посмотри на него: он посидел за одну ночь.

— Мне когда-то отец говорил: бойся, Хасан, дураков и трусов. Один не ведает, что делает по глупости, другими не разум руководит, а страх. Они снесли мой дом потому, что он стоит на перекрестке и «может угрожать безопасности», — забыв об осторожности, Хасан жестикулируя руками, заговорил громко. — Они поступили, как трусы... Женщин испугались...

Тагиру вспомнился тот рыжий янки, жвавший трусливо голову от взмаха женской руки.

Все трое, словно по команде завертели головами, всматриваясь в темноту.

— Я пойду, — тихо сказал Тагир.

— Иди. Никому ни слова о нас, — прохрипел Хасан.

— Понятно.

Только теперь у обочины прямо, под ногами Тагир увидел вырытые ямы, и все понял: минируют дорогу. Ночь помогала им.

Луна давала только то количество света, которое необходимо, чтобы не сбиться в пути. Дорога очерчивалась тенями от сваленных камней по обочинам, изгибалась змеей, уходила в посеребренную даль, сливаясь там впереди с бесконечной ночью. Холодно мигали застывшие в тишине звезды, нагоняя грусть и ноющую душевную боль. Тагир оглянулся, словно запоминал приметы этого места среди пустыни, поднял руку, прощаясь с ночными собеседниками. Лицо Хасана, обрамленное серебром, терялось в темноте. Чуть ссутулившись, опираясь автоматом на придорожный булыжник, он еще долго стоял неподвижно. Тагир еще там, на площади понял, что свобода, пришедшая из-за океана, несет на своих полосато-звездных плечах страдания и лишения для многих. «У меня еще есть надежда...» — подумал он, вспоминая слова седого Хасана.

— Надумаешь к нам — мы в тех скалах, — уже вдогонку тихо сказал молодой и махнул рукой назад. — Американцы боятся таких мест. Только днем нас не найдешь.

— Да, я знаю как найти, эти места мне знакомы, — Тагир шагнул в темноту.

— Да поможет тебе Аллах.

Хасан молчал, поглощенный своим горем, своими тяжелыми думами.

Уже за полночь Тагир подобрался к городу. Он осторожно прижимался к стенам крайних домов, находя в их тени защиту. Город он знал как свои пять пальцев, и даже отсутствие света не было ему помехой. Темные улицы непривычно пустынные. Только на въезде, на перекрестке, ярко горели походные фонари, и фары боевых машин, были видны шагающие солдаты. «Наверное, блокпост», — Тагир свернул в знакомый темный проулок. Его никто не заметил. Многоэтажные безгла-

зые дома, заслонявшие луну, добавляли прохладной ночи темноты и мрачности.

Постучав в знакомую дверь, Тагир осмотрелся по сторонам. Подождал. За дверью спросили:

— Кто?

— Это я — Тагир, открой, брат, — он удивился своему глухому голосу. Его знобило не то от ночного холода, не то от непомерной усталости и напряжения. Дверь тут же открылась. Амир стоял с керосиновой лампой в руке.

— Что случилось? О, Аллах! Ты ранен. Заходи, брат, заходи, — Амир взял его за руку, завел в квартиру и продолжил: — У нас сегодня выключили свет. Ты как оказался здесь в такой час? — и, не дождавись ответа, продолжал: — А где Фатима, Ахмет?

Вопрос брата острым ножом резанул сознание Тагира. В горле пересохло.

— Я позавчера отправил их к тебе в госпиталь, — прошептал Тагир. Он понял, что произошло что-то непоправимое. — Значит, ты их не видел?

Глубоко за сердцем противный холодок сбил дыхание и пополз к горлу. В голове образовалась серая пустота, мысли остановились. Недоброе предчувствие холодной змеей заползло в самую душу.

— Нет, — донеслось до его помутневшего сознания глухое и жесткое слово. Голос брата показался чужим.

— Может, они поступили не в твою смену? — Тагира не покидала последняя надежда.

— Этого не могло случиться. Я сейчас не выхожу из госпиталя. Вот только домой пришел. Сейчас столько раненных... Работаем круглосуточно. Что случилось с ними? Да рассказывай же! — Амир смотрел на побледневшее лицо брата.

В блеклом свете керосиновой лампы его восковое лицо казалось неживым. Только запекшаяся, просочившаяся сквозь повязку кровь и побуревшие кровавые подтеки коричнево-грязно распытали его лик. Глубоко запавшие глаза, уставившись вдаль сквозь стены и кровельную темень, не замечая ни брата, ни этого мигающего огонька, ни этих монстров — теней, качающихся на стенах.

— Позавчера Ахметку ранил американец. Я отправил его с Фатимой, на машине Саида к тебе в госпиталь. Там было еще несколько раненных, — Тагир сделал паузу: воспоминания разбредили рану, голос задрожал, — Они могли попасть в другую больницу? — цепляясь за последнюю соломинку, раздавленный горем Тагир.

— Все может быть. Сейчас все больницы принимают раненных. Но, ночью нам их не найти. Вымойся, переоденься и ложись отдохнуть. И мне нужно немного поспать. Я ведь двое суток за операционным столом... А завтра с помощью Аллаха искать будем, — Амир протянул руку за снятой рубашкой.

— Только пусть Айгуль не стирает: там кровь Ахметки.

— Я скажу. Мою оденешь.

— Аллах накажет этих американцев за все горе, что мы терпим, — сказала тихо Айгуль.

Никто и не заметил ее, тихо вытирающую в темноте слезы.

III

Ничего не снилось Тагиру. Он провалился в бездну, он забылся тем глубоким сном, который бывает только у смертельно уставшего и смертельно оскорбленного человека. Такой сон спасителен и очищающ, он

заканчивается быстро и удесятерит силы. И только смертельно раненные уже не могут проснуться и возносятся ко всевышнему праведниками или мучениками тихо, не имея сил прервать этот очищающий сон.

— Вставай, брат. Отдохнул хоть немного?

— Слава Аллаху! — он не встал — вскочил с кровати. — Поехали, Амир, искать моих Фатиму и Ахметку.

— Одевайся, — протянул свою одежду Амир. — Сначала позавтракаем и поедем: я уже машину из гаража пригнал.

Тагир молча ел ту еду, что подала Айгуль, но если бы кто-то спросил, что подавалось на завтрак, то он бы ни за что не вспомнил. Он односложно отвечал на вопросы, но не смог бы вспомнить, о чем шла речь.

Тагир всю дорогу сидел, понурив голову, и молчал, иногда покачивая головой в знак согласия на предложения брата:

— Сначала заедем ко мне в госпиталь. Во-первых, еще раз просмотрим все списки, поступивших за последние сутки. Необходимо убедиться, что у нас их нет, а во-вторых, мне нужно предупредить начальство. Потом начнем с дальней больницы в пригороде и пойдем к центру.

Тагир кивнул головой.

— Если и там не найдем... Придется спрашиваться, ты уж извини, брат... в морге.

Амир, понимая, что все могло случиться, решил уже сейчас психологически подготовить брата, хотя у самого при слове «морг» голос дрогнул. К удивлению Амира, Тагир кивнул головой в знак согласия, не проявив никаких эмоций.

В приемном отделении среди тридцати двух раненных, поступивших за последние двое суток, ни Фатимы, ни Ахмета не числилось. Не поступали в госпиталь и другие раненные из его селения.

— Если хочешь, можешь пройти со мной в отделение. Я хоть на ходу, мельком должен осмотреть своих тяжелых больных.

Тагир снова покорно кивнул, послушно пошел за братом. Запах, вот что поразило его больше всего. Запах болезни и смерти. Этот спрессованный зловонный дух заполнял все пространство, и было очевидно, что, впитавшись в одежду, будет еще долго преследовать любого, рискнувшего появиться здесь.

На ходу, молодая медсестра как-то обычно успела доложить Амиру, что два человека умерли ночью. Голос ее плавал в гулком, переполненном ранеными, коридоре. Столько боли и горя так близко Тагир еще не видел. И те двое стариков, потавивших, укутанное в грязном тряпье тело, и этот мужчина с трубками, торчащими из живота, и ребенок с широко открытыми глазами, заполненными слезами боли, — все это навалилось на него тяжелым грузом.

— А тот безнадежный, раненный в грудь, попросил кушать и пожаловался, что постель жесткая, — долетело до Тагира.

— Значит, будет жить, — сказал Амир, — и он еще будет спать на мягких перинах.

То, что увидел Тагир в палате, произвело на него странное впечатление: он долго еще не мог поверить, что все это существует на самом деле, что он не спит, что он видит своими глазами эту огромную палату, переполненную горем и страданиями. Будто попал он в другой мир, мир кошмаров и страшных видений. Стонали стены, потолок, стонал пол и все, что нагромоздилось в этом зловонном

пространстве большого зала. Койки почти соприкасались. Проходы между ними были настолько узкие, что едва позволяли протиснуться врачу или медсестре. Сказать, что палата была переполненная, значить сказать только полправды. Одна койка пустовала, еще на одной – лежал человек накрытый с головой белым когда-то покрывалом, с побуревшими следами крови и еще какими-то разноцветными пятнами. «Двое умерли ночью» – вспомнились слова медсестры. Комок сдвинул горло, сладковато-приторный зловонный запах не давал дышать, в глазах поплыло, койки завертелись вокруг.

Очнулся Тагир уже во врачебном кабинете. Он лежал на ободранном диванчике, не понимая, как попал сюда. Рядом сидела та медсестра в белом халате. Тагир сначала увидел ее большие грустные глаза. Ее губы шевелились, но слов он не слышал. Она встала, и подвинутый ею стул скрипнул. Кабинет наполнился звуками.

– Где я? – услышал он свой слабый голос.

– В ординаторской. Так я заварю вам чай? – вопросительно посмотрела она. И Тагиру показалось, что она уже задавала ему этот вопрос.

– Да, пожалуйста, если вам нетрудно.

Горячий чай окончательно вернул его к действительности. От запаха, хоть не такого резкого, как там, в палатах, снова подступила дурнота, и Тагир повернул голову влево, вправо. Дверь была закрыта. В кабинете, кроме диванчика, на котором он лежал, стояли два стареньких письменных стола, на стенах висели какие-то плакаты.

– Ваш брат на операции. Поступил тяжело раненый. Он просил подождать, – угадала она беспокойство Тагира.

– Вы извините меня. Нервы... – Тагир потрогал повязку, наложенную братом ночью.

– Я все знаю, мне рассказал ваш брат. Я пока перевяжу вас. Лежите, лежите.

Ее руки ловко управлялись с привычной работой. Тагир отметил, как ловко, не причиняя боли, она подхватывала то пинцет, то ножницы обрабатывая рану, промокала тампоном просочившуюся сукровицу. Бинт в ее руках разматывался легко и ложился виток за витком.

– Все, отдохните. Доктор скоро освободится, – медсестра поправила повязку. Что-то родное почудилось в этих женских руках, Тагир пристально посмотрел ей в глаза. И глаза...

– Спасибо. Как вас зовут? У вас такие нежные руки, как... – он запнулся.

– Гюльшат, – женщина опустила ресницы.

– Меня зовут Тагиром. Я ищу свою жену и сына. Они уехали в ваш госпиталь... Мой Ахметка ранен.

– Я знаю... Доктор рассказал мне... Сейчас так много людей теряется. Но вы своих обязательно найдете. Аллах поможет вам. Моего мужа схватили американцы, увезли куда-то. Не нужно было ему сопротивляться. Говорят, в тюрьму посадят, в ту, куда раньше при Саддаме уже попадал. Три года тогда отсидел за свой язык, – Гюльшат взяла марлевую салфетку, промокнула заблестевшие слезы.

Потом Гюльшат ушла. Какое-то время в ординаторской он оставался один. Тагир, лежа, рассматривал развешанные медицинские плакаты. Зазвонил телефон. Спрашивали хирурга.

– Он на операции, – ответил Тагир.

– Значит, операция еще не закончилась?

– Нет, позвоните, пожалуйста, позже.

Голос женщины на том конце провода дрожал от волнения.

– Да, я позвоню потом. Дай силы ему, Аллах!

Кому просила дать силы женщина? Хирургу? Раненому? «Дай им силы, Аллах... и удачи», – подумал Тагир.

Когда тоненькая ниточка удерживает жизнь, когда жизнь борется со смертью, только удача, только помощь Всевышнего может благополучно решить этот спор.

Как много, а иногда, как мало требуется для спасения жизни. Тагир мерил шагами врачебный кабинет. Конечно же, его Ахмет и Фатима попали в другую больницу, Ахметке сделали операцию, и он теперь ждет своего отца. Он обязательно сегодня найдет своего сына. Вот только освободится Амир, и они объедут все больницы, они найдут. Тагир остановился возле стола. Рядом с телефоном лежал список всех больниц города с телефонами. Он даже взял трубку и начал набирать номер... «Нет, по телефону могут дать не ту информацию, они могут что-то перепутать, могут не понять меня... Нужно ехать...»

За спиной хлопнула дверь. На пороге стоял Амир. На осунувшемся лице глубже обозначились морщины, глаза провалились.

– Умер, – тихо сказал он. – Мы ничего не смогли сделать: все в руках Аллаха.

У Тагира оборвалось внутри. Даже руки задрожали. Необрый знак.

Амир тяжело сел, облокотившись на стол, обнял голову, застыв на какое-то время.

– Поехали, – он пружинисто встал, и стал снимать халат.

– Звонили, – еле выдавил Тагир.

Брат не ответил.

В детскую больницу Ахмет с Фатимой не поступали, не нашли их и в других больницах.

Переживший все потрясения последних двух суток, Тагир скорее обреченно, чем безбоязненно, перешагнул порог morga. Он не замечал запаха смерти, отнявшего, казалось, весь кислород без остатка в этом сыром полуподвальном помещении с заплесневелыми стенами. С указанием мельчайших подробностей он отвечал на вопросы человека в глянцево фартуке с красными, воспаленными от недосыпания и едкого смрада глазами. Большие несурзные очки не могли спрятать той тихой печали, которая легко угадывалась при первом же взгляде.

После короткой беседы, глаза за этими огромными очками увлажнились, уставились в стол и больше не встретились ни разу с глазами Тагира.

Рассудок Тагира прояснился, и он внимательно рассматривал предоставленные вещи усопших, уложенные в отдельные пакеты. Часто именно одежда или предметы, найденные на месте происшествия, помогали установить личность погибшего.

Тагир уже знал самое страшное, но его уже ничего не пугало. Осталось найти своих родных. Осталось предать тела земле, согласно вековым обычаям.

Тагир бережно уложил найденный комнатный тапочек жены, лоскут халата, обрывки рубашки своего сыночка, поцеловал детскую обувку, еще сохранявшую родной запах, тихо зашелся в беззвучном плаче. Только когда плечи унялись, он глухо спросил:

– Я могу это забрать?

– Да. Конечно, – ответил сиплый голос.

– Но вам предстоит еще одно тяжелое испытание, – голос прокашлялся, – вам нужно опознать останки...

– Я готов, – твердо произнес Тагир.

Уже дома у брата на глаза Тагиру попались газеты. Он перевернул страницу первой попавшей и прочитал: «...американскими солдатами уничтожен микроавтобус с номерными знаками... не остановившийся у блокпоста пос. ..., в котором находились мирные жители. Погибли девять человек... Все лица гражданские...»

«Саид не виноват, он спешил в госпиталь с ранеными», – прошептал Тагир.

«Американскими солдатами расстреляна машина с журналистами телекомпании «Аль-Рабия» при невыясненных обстоятельствах. Погибли два журналиста телекомпании».

«В результате открытой американскими солдатами беспорядочной стрельбы из автоматического оружия погибли несколько мирных жителей».

«Убит журналист американским снайпером. Журналист стоял у окна гостиницы с фотоаппаратом в руках».

«Американцы обстреляли из самолетов свадьбу в отдаленном ауле.... Погибли десятки мирных жителей, в том числе и невеста с женихом...»

«В городе Байджик погибла иракская семья. В результате случайно сброшенной американской авиабомбы дом полностью разрушен и погибли все, находившиеся в доме, в том числе и трое детей. Американцы объясняют случившееся ошибкой...»

Тагир тяжело поднялся и направился к выходу.

– Ты, куда на ночь собрался? – спросила тихо Айгуль.

– Я похоронил Ахметку и Фатиму. Мне теперь не по пути с солнцем. Луна и звезды мои попутчики... А днем я их не найду.

– Кого? – не понял Амир.

– Тех, кто поможет мне найти убийц.

«В Ираке совершен очередной террористический акт, один из самых мощных за последнее время, в результате погибли одиннадцать американских пехотинцев, десять тяжело ранены... Сработало взрывное устройство на обочине дороги в момент прохождения колонны...»

И тут же заявление американского пресс-секретаря: «Мы скорбим... они погибли не напрасно...»

г. Нижневартовск.

БЛАГОДАТЬ БОЖИЯ

Курьяра – индейская лодка-пирога. Канайма – река с огромным водопадом в знаменитой, но и сегодня малоисследованной, венесуэльской Гранд Саване. Река и лодка аборигена. Стремительная водная артерия и это одно из немногих «транспортных средств», кроме, конечно, легких самолета или вертолета, что дают возможность добраться путешествующему, устремленному в эти места. Не всем, конечно, летательный аппарат по карману, он для избранных, состоятельных. Но на курьяре – больше романтики, некоего шика, первородных ощущений.

Местные индейцы верят в присутствие здесь дьявольского Духа! Камни, скалы причудливо, а порой ужасающе зримо выступающие на свет божий из равнинного и нынче малодоступного высокогорного плато, весь этот дикий мир – дают тому повод. Единственное в своем роде на планете, обширнейшее по площади, по разнообразию животного и растительного мира, место. Нечто доисторическое, дикинное. Незнакомые европейцу деревья, кустарники, цветы, травы. Летящие ящеры, зверье разных пород, попугаи, кишасщие гады-пресмыкающиеся, ядовитые пауки, птицы давно исчезнувших видов.

И всюду вода, пороги стремительных рек и речушек, водопады типа Канаймы и много крупнее. Самый высокий на планете водопад – одна тысяча сто метров – не столь давно случайно открыт североамериканским летчиком Ангелом, назван в его честь и в память – Санто Ангель. Индейцы называют его Черу Меру.

Или вот одна из самых длинных пещер на нашем земном пространстве! Никогда не видавшие солнечного света, лабиринты пещеры тянутся около тысячи километров – до границы с Бразилией. В средние века здесь надежно укрывались индейские воины, делая удачные боевые нападения на испанских конкистадоров. Но это предание, возможно, легенда. А нынешняя явь – в пещере сохранились единственные в мире виды птиц, которые не имеют глаз, в полете ориентируются при помощи ультразвука, охотясь на мелких насекомых. Да сколько там див сохранилось, кто подсчитывал?!

Не сказка, поверь, читатель, очевидцам. Встречал этих людей, слушал их повествования о тех местах – принимал на веру! А еще, как многим на земле романтикам, мечтавшим о путешествиях, доводилось читать Конан Дойля, в частности, его книгу «Затерянный мир» – о приключениях европейских героев романа как раз в этих дикинных всяях. Впрочем, воспользуюсь несколькими строчками этой книги и сейчас, чтоб дополнить восторги еще одного путешественника, нынешней моей собеседницы Киры Леонидовны Кудрявцевой-Никитенко. Как раз «в этом плане» почему-то решила просветить меня эта не просто симпатичная дама, отмечу, что она первый русский детский врач из эмигрантов «второй волны», получившая образование и диплом доктора в университете Каракаса. С ней я давно знаком и можно сказать – дружен, в первый мой приезд в Венесуэлу мы даже «пили по рюмке под соленый огурец», танцевали, помнится, на одном из эмигрантских вечеров – эх, уж четырнадцать лет назад. Я выступал, употребляю наш российский литературный термин, точнее, читал свои стихи соотечественникам, а потом она, «боевая Кира», учинила, к моему большому смущению, акцию по сбору средств для нашей газеты «Тюмень литературная», обходя с подносом присутствую-

ющих в том просторном зале – на кругу, у фуршетных столиков, у буфетной стойки: «На бумагу для твоей газеты, Коля, эти боливары! У нас так принято!» И получилось славно, как-то очень естественно, результативно. А вот о её похвальной и неожиданной для меня романтичности узнаю только нынче, принимая её романтичность, как должное, близкое и понятное даже в нашем не юном возрасте.

Но сначала, как аннотация к восторгам Киры Леонидовны, строки из конандойлевского «Затерянного мира»:

«...Южная Америка представляет собой гранитный материк. В отдаленные века в этом месте (речь о Гранд Саване – Н. Д.), очевидно, произошло внезапное смещение пластов в результате извержения вулкана. ...Скалы эти базальтовые, следовательно они вулканического происхождения. Площадь величиной примерно с наше графство Сассекс выперло вверх со всеми её обитателями и отрезало от остального материка (всех на этом плато – Н.Д.) отвесными скалами такой твердой породы, которой не страшно никакое выветривание. Что же получилось? Законы природы потеряли свою силу в этом месте. Всевозможные препятствия, обуславливающие борьбу за существование во всем остальном мире, либо исчезли, либо в корне изменились. Животные, которые в обычных условиях вымерли бы, продолжали размножаться. Как вы знаете, и птеродактиль, и стегозавр относятся к юрскому периоду, следовательно, оба они – одни из древнейших животных в истории Земли, уцелевшие только благодаря совершенно исключительным, случайно создавшимся условиям...» – так «научно» рассуждал один из просвещенных героев романа, убеждая своих друзей-товарищей совершить путешествия в сей «затерянный мир» Южной Америки.

Но, друзья-читатели, автор романа, думаю, ошибочно сравнивает Гранд Савану с каким-то там невеликим английским графством Сассекс, когда мои русские друзья-венесуэльцы, в том числе и Кира Леонидовна, применяют для измерения масштабов этого горного плато не менее как нашу матушку Сибирь. Да-а, приблизительно так и есть...

Герои романа, добравшись до Амазонки и Ориноко, увидели зеленый мир джунглей таким, каким, уверен, и в наши дни он присутствует, каким встречался он и мне, моим нынешним попутчикам в глубинных местах страны, куда достигали колеса наших быстролетающих, а порой и опасно ползущих по горным дорогам, разгоряченных на тропической жаре, «фольксвагенов» или «мерседесов»:

«Из темных стволов пламенели яркие орхидеи и поражающие своей окраской лишайники, а когда случайный луч солнца падал за золотую алламанду, пунцовые звезды жаксонии или густо-синие гроздьи ипомеи, казалось, что так бывает только в сказке. Все живое в этих дремучих лесах тянется вверх, к свету, ибо без него – смерть. Каждый побег, даже самый слабенький, пробивается все выше и выше, заплетаясь вокруг своих более сильных и более рослых собратьев...»

Внизу, под величественными сводами зелени, не было слышно ни шороха, ни писка, но где-то высоко у нас над головой шло непрерывное движение. Там в лучах солнца ютился целый мир змей, обезьян, птиц и ленивцев, которые, вероятно, с изумлением взирали

на крохотные человеческие фигурки, пробирающиеся внизу, на самом дне этой наполненной таинственным сумраком бездны...»

Почти нереальность, если судить с прозаических, с морозных «высот» Западно-Сибирских моих или с поэтических приишимских, а то и уже достаточно озвученных в дальнем далеке, и бердюжских, окупёвских весей! Но, повторяю, смиришь, читатель. Вникни и прими на веру!

Обучение в университете, последующая практика, поездки в ближние и дальние уголки этой райской для жизни человека страны – для Киры Леонидовны в немыслимом прошлом. Но из разнообразного прошлого сквозит в её памяти это чудная на земле территория, знанием о которой и старается нагрузить меня она – энергичная русская. А я легко, спокойно забываюсь, витаю в тех белых облаках Гранд Саваны, внимая рассказу женщины, её живому лицу, каким и бывает лицо красавиц в возрасте женской осени...

Не стоило бы делать намеки на возраст собеседницы, который сам собой отрицается, если брать в расчет, к примеру, то, как лихо мы едем, как ловко управляется она за рулем своего автомобиля, как стремительно проносится мимо живописный, тоже с островками джунглевого мира, район города, под горой Авила, район некогда бывших дачных, загородных, тоже диких когда-то мест. Теперь, узнаю попутно, это престижный для жительство уголок столицы страны, где за высокими заборами течет скрытый мир состоятельных каракасцев.

Ну да, и здесь Божия благодать. Для избранных, если говорить и об этом конкретном месте. Богатенькие, элита. Живет здесь и Кольдаро – бывший президент Венесуэлы, его сыновья, внуки. Вот его шикарная вилла, почти скрытая высокой каменной стеной. Сам Кольдаро, пополнившись информацией, никогда богачом не был, просто «удачно женился», взяв в жены сеньориту Алисию Петри, дочь местного миллионера...

Славный район! А неподалеку, куда мы едем, обычная, как у «рядовых», среднего класса венесуэльцев, просторная кинта, где за чашечкой кофе, за столиком, на котором стоит рамка простой фотокарточки юноши в старой, еще царской форме русского офицера, поручика Леонида Кудрявцева, – отец Киры, – и продолжатся сии восторги перед «затерянным миром». О нём напомним в доме-кинте то предметы быта индейцев, то камушки дивные из тех мест, то сувениры, вовсе и не относящиеся к Гранд Саване, а к другим далеким от Южной Америки странам, говорящие о том, что и там бывала хозяйка дома, как я узнаю вскорости за кофейным разговором, сопровождаемым легкой, пространственной и, конечно, русской мелодией магнитофона, окутывающей нас родной туманностью, мерно плывущей из соседней комнаты.

А пока, по аналогии, вспомню – вдаль от российских мест – чем-то схожие с местными, каменные терема и такие же крепостные стены отгородившихся «новых русских». Там, в России. Конечно, чем дальше и круче течет действительность, тем повсеместно мощней и выше монолитные эти крепости богачей, прочней стальные заборы и решетки на окнах их неприступных «хижин»...

– А это район Лос Чоррос, – уводит меня из «политических дум» задорный голос женщины за рулем, – Чоррос – это водопады. Они в парке, который мы только что миновали. В парк, замечу, может войти любой человек. Я в воскресенье прихожу сюда пешком смотреть как падает хрустальной прозрачности вода. Хорошо. Успокоение. Ресторанчик тут итальянский. Все мило, тихо, чистенько...

Спрашивал у Волкова: почему докторица эта, не живет с Сергеем Никитенко, фамилию которого носит с давнего замужества? Были мы свидетелями их встречи в барчике: улыбались они, обнялись даже, кто подумал бы – бывшие муж-жена, разведенные и давно...

Волков шутки свои обычные как бы и забыл, сказал серьезно, мол, Сережа, он топограф, а это – долгие месяцы вдаль от семейного очага, а там, там, ну «пятое-десятое», как объяснила бы причину их развода на своем языке другая русская – бывшая владелица двух ресторанов в Каракасе Аделаида Рыжкова... Пятое-десятое...

Сказал Волкову, мол, знаю, что Кира не только в глубинке детишек лечила, но есть такой факт в её биографии: давала консультации и работникам Советского посольства и вся русская колония «считала её коммунисткой». И опять без шуточных ноток ответил Волков, мол, всех тут, кто имел свое мнение и громко не кричал «Боже, царя храни!», старые белые генералы, полковники, владовцы – коммунистами считали: Волкова, Свистунова, Киру Никитенко, других, кто прибыл позднее не из старой России, не из Германии, а прямо из Советского Союза...

Ладно. Только отвлекся я от заветной темы разговора – от Гранд Саваны. Но чуть воображения и опять видится так явственно – Канайма, скольжение вниз по течению индейской лодки-курьяры. В ней пассажиры да лодкий проводник с веслом, нанятый специально для путешествия. Начинается оно в верховьях реки да на ранней заре, когда плотные белые облака висят почти вплотную к воде, подчеркивая сказочность окрестного мира. С восходом солнца облака поднимаются ввысь, обнажая камни и скалы, напоминающие то профиль головы индейца, то незнакомца, возникшего во весь рост на кромке скалы, то рисуются остатки разрушенного храма. Но никто этого специально не высекал в скалах: все, что видит путешественник, произведения живой, натуральной природы.

Пять часов спокойного созерцания окрестных видов. Пять часов уверенности в провожатом, в его умении править лодкой среди опасных поворотов реки, её порогов, холодных и пенных струй. Крокодилов на бурной реке можно не опасаться. Они, конечно, здесь, в жарком климате, во множестве, но предпочитают тихие – по берегам – болота!

Пять часов среди криков разномастных попугаев, обезьян, висящих на лианах джунглей, где нет-нет да промелькнет оскал леопарда, донесется его рык, полосатый тигр возникнет в зелени тропического леса, взор какой-нибудь ленивца, прочего зверья, когда-то совсем не пугавшегося людей.

А человек с развитием «прогресса» повадился бывать в этих краях не только в качестве туриста, человек приоровился копать то золото, то диаманты, то есть бриллианты, их можно отыскать и добыть здесь повсеместно. Впрочем, присутствуют в здешних недрах все элементы таблицы нашего Менделеева. Так что у Венесуэлы есть доброе будущее. Именно здесь, в низовьях, где бурлят реки, а на каменных их берегах сторожат человека ядовитые гады и зубастые крокодилы. Но и на зубастых, и на пресмыкающихся можно найти управу крутому путешественнику и трудолюбивому старателю.

Но вот печальное. На одной из порожистых рек погиб русский казак с Дона Анатолий Почепцов. Историю его слышу не впервые. Много лет, покинув русскую колонию в Каракасе, служил он здесь проводником туристов, имел небольшую зарплату от государства, жил с индейской женщиной в собственноручной построенной хижине-вигваме. Конечно же, добывал и сверкающие камушки. Раз

в полгода нанимал легкий самолет, прилетал в Каракас, сбывал эти камушки, привезенные в узле носового платка, еврейским ювелирам. В гостях у знакомых русских просил приготовить ему «настоящий борщ», отводил душу в ресторанах, снова отбывал в свои джунгли, где и успокоилась его душа и тело под православным крестом. Могила его на берегу реки навещает теперь непременно всякий русский, прибыв в Гранд Савану...

Гранд Савана помнит и других моих соотечественников. Долгое время начальником военного гарнизона был здесь русский офицер из первых эмигрантов. Он, конечно, благоволил русским, добравшимся сюда в ту пору на «ковре-самолете». Да, о нынешних асфальтированных дорогах из развитого центра страны и речи не было даже в устах смуглолицых и обычно многоречивых правительственных чиновников...

Но летит, бежит курьяра по быстрой и кристально чистой воде. Камни, скалы. Береговые заросли. Нет-нет да просквозит заброшенное индейское поселение в одну или несколько хижин. Это означает, что кто-то из обитателей хижины умер, его похоронили у порога жилища и больше – по индейским обычаям – в жилище это никто не заходит...

Дикие путешественники, авантюристы, нелегальные добытчики золота и алмазов, что в последние времена добираются сюда на машинах, в одиночку и небольшими артелями, должны позаботиться о своей безопасности, иметь винчестер или автомат Калашникова. Никто в джунглях не застрахован от прилетевшей в спину ядовитой стрелы, от возможности быть зажаренным на вертеле индейского костра и съеденным. Да, в джунглях Гранд Саваны, особенно вблизи бразильской границы, еще не вывелись племена индейцев-людоедов!

...И вот слышится шум падающей воды, через несколько речных поворотов виден и сам водопад Черу Меру, вершина которого чаще прячется в белом облаке на тысячеметровой кромке плато.

Лодка пристает к берегу. Индеец оставляет её среди камней. И увлекает группу путешественников в направлении, известном только его глазу и старинному опыту. На экскурсовода можно положиться, он не только опытен и ловок, он еще и разговаривает на трех языках – на своем, индейском, на испанском и английском. Жизнь научила!

Путь к вершине водопада высотой в пять километров – почти отвесный, без каких-либо видимых троп и тропок. Корни деревьев и голые камни. Нужно быть немного тем киношным Тарзаном, иметь непоколебимую волю, чтоб одолеть все тяготы и страхи пути вверх. А их множество, начиная от полчищ комаров-москитов, что после полудня наваливаются на белокожих, не прибегших к тем разноцветным мазям из пахучих трав, коими пользуются индейцы, умащая свое лицо и тело не только в ритуальных целях, но и от нападения кровососущих тварей. Еще надо иметь для восхождения специальную обувь, но и она не всегда способна защитить от укуса ядовитой змеи, так что и здесь будь осторожен – не наступи на гремучего гада, удержишься на какой-нибудь вовсе отвесной плоскости!

И, конечно, кто решился на этот подвиг восхождения, в конце пути, у начала водопада, будет достойно и щедро отблагодарен божественным высокогорным воздухом, что чист и прозрачен как дыхание благодати, награжден будет дивными многоцветиями и видами, существующими только, как сказано, в этих краях.

Дворик в доме Г. Волкова, знакомый многим русским

Канайма. Водопад

БЕЖАВШИЕ ОТ ДЕМОКРАТИИ

Теперь уж веки не отмазаться, не отмыться от черных своих дел «расейской» демократии, как бы она, эта демократия, не хотела бы выглядеть в исторической памяти России – при белом венчике из роз! Раздербанила, предала красный СССР, взялась за серобуро-малиновую обуржуазенную, усеченную в размерах страну, разрешила хозяйничать в ней своре нуворишей, ухайдакала из танковых орудий среди белого московского дня то, что еще как-то мешало жулью, народом избранный российский парламент. Продолжившаяся кровавая ошибка, её глашатаи из перевертышей, отмели и обсмеяли Великую Победу, пафос недавних комсомольско-молодёжных строек, космические старты наши. Вместо пронзительных для русской души «Подмосковных вечеров» втюрились пошлость на телеэкранах, в желтых газетах, хрипчатые мелодии лагерных песен внедрились в «культуру» вместо лиризма, романтики дальних дорог, «запахов тайги».

Да, без надоевших, закоснелых старцев из кремлёвского Политбюро, отличительным свойством «свободной» либеральной власти в конце XX века стали подобострастие перед Америкой, Израилем, где духовные корни этой якобы «русской» демократии, также жирные хапки бритоголовых братков приватизации, обманные ваучеры, кровавые чеченские разборки, бездарные шуты и шутихи на эстраде, пережатые заводы, сельские мастерские и фермы, жалкие копейки в кошельках нищих масс – на фоне цепкой, жиреющей «новорусской» олигархической банды.

Что еще? Да много всего гадко-напласталось на земле родной при наглой чужбине и поганой жириновщине либерал-демократов. И мало что понимал тогда, в начале, и до сих пор скудно ведаёт о происходящем усталый, зачумленный и зомбированный русский народ.

С началом нового века, на который патриоты надеялись, как на избавление от бед, тешились надеждой на вмешательство Высших Небесных Сил, время человеческое в России и вовсе как бы сорвалось с крюка, потекло наперекосяк. На фоне спешно озолоченных церковных куполов и медного звона колоколен, время измерялось уже не днями, не неделями, а телевизорными «якубовичами». Да, этой странной единицей измерения, наподобие электрического «ампера» иль деревенской «сажени»: раз-два и – пролетели дни недели до пятницы! А в пятницу – очередное

«поле чудес» по телеку во главе с этим бодрым шоуменом Леней, Аркадьичем, с самодеятельно взвинченными, восторженными старушками, приехавшими показаться в Москву, прихватив на подарки теледеятелям банки домашних солений и варений. Тут же, на «поле», не помнящий себя и страны, работный народ помоложе – с бывших предприятий и сельских ферм, гадающий на буквах и плящущий на покладистого Лёну, подобием седла на корову, то спецовку дояра с разрушенного скотного двора, то узбекский халат, то фуражку отставного прапорщика с матерым орлом на тулье, то железные каски шахтера иль пожарника, извлеченных бог знает из каких отвалов.

Не приняв эйфорийных первых дней и лет масонской «перестройки» и то, что впендюрила чуть позже в бытие наше криминальная революция 91-го, устроенная наследниками февраля 17-го, уничтоживших русскую монархию, и потомками укукошенных Сталиным в 30-х годах «комиссаров в пыльных шлемах», сам я и единовверцы мои сопротивлялись происходящему. Словом публицистическим, огненной рифмой, иронией, сарказмом, но как-то противостояли. Держались за рубежи, не сдавая позиций – за Родину, за Россию, тем, полагаю, находили мы сочувствие и в стане гордого, патриотического, но истаивающего «белого воинства», ушедшего когда-то за пределы Отечества, не изменив однажды данной присяге.

Иные же, «свободные россияне», как говаривал не всегда доопохмеленный Ельцин, покрутившись в новой буче, как и после далекой гражданской, собирали пожитки, рвали наработанные связи, отправлялись в изгнание, намереваясь начать жизнь заново или продолжить её в новой реальности, в чужой стране.

Так в 94-м начало перебираться в Венесуэлу семейство Родиных из заполярного Норильска. Да, судьба этого города на слуху, основание его отмечено репрессированными и осужденными, то есть лагерями с колючей проволокой. Но и славными людьми-спецами отмечен город – архитекторами, учеными, рабочими и инженерами, командирами производства, чьи ум и руки возвели в тундре Норильск, его рудные предприятия, освоивших и «перерабатывающих» практически всю таблицу Менделеева, предприятия, что сыграли выдающуюся роль в годы войны с фашистами, также и в последующие десятилетия строительства красной Отчизны.

О новых венесуэльских русских, Ро-

диных, знал я еще в Тюмени, писали мне, мол, появилась в Каракасе подвижница Надежда Константиновна Родина, журнал, мол, отважилась издавать, вообще вздыбила культпросветработу в русской колонии, любо-дорого!

Журнал? Подобное было в Каракасе в 50-е, когда здравствовали еще многие образованные и интеллигентные люди из первой и второй эмиграции, когда русская жизнь в тропической стране, при всех её эмигрантских издержках, кипела, благодаря подвижникам.

«Русь» – назвали журнал его издателя Сергей Будников – бывший лейтенант Красной Армии, перебежчик к немцам во время войны или что-то в этом роде, и эмигрантка 90-х годов, сбежавшая от демократов, Надежда Родина. Пару номеров журнала прислали мне друзья-кадеты. Листал пристально: не фонтан! Делали журнал не профессионалы, скорей, дилетанты (о, где вы давно истаявшие, замечательные издания первой русской эмиграции – в Париже, Берлине, Нью-Йорке – со славными именами будущих классиков?!), но все же и здесь присутствовало русское – на далекой чужбине...

– Да кто же вы, как попали в эту солнечную страну? – завел я теперь, в Каракасе, свою репортерскую «песню», встретясь на Палос Грандес с норильчанкой, почти с землячкой, с хрупкой, темноволосяй и светлолицей женщиной «сорока с чем-то лет».

– Да мы ведь в самом деле почти земляки с вами! – с улыбкой сказала Надежда, обрадовав знакомой интонацией говора родных и далеких отсюда весей родины. – Уралочка я по рождению, с челябинских краёв, так вот! Муж, Валера, тоже! Закончил он Магнитогорский горно-металлургический институт, получил распределение в Норильск. Там у нас родились две дочки – Ирина и Лена. Прожили в Заполярье двадцать лет. Что сказать?.. Валера руководил бригадой на комбинате, я работала по культуре и училась заочно в Ленинградском гуманитарном университете, раньше он назывался Высшей школой профсоюзов. Мне нравилось работать с северянами во Дворце культуры комбината, очень нравилось, как и мужу его дело. Зарабатывали хорошо. В каждом отпуске путешествовали, отдыхали на юге. Занимались спортом – Валера хоккеем, лыжами, я тянулася – к конькам, к волейболу. Детей к спорту приучили. Вот такая была у нас обычная, здоровая советская семья в Норильске, как у многих северян...

– Ну это ж семидесятые-восьмидесятые годы, при «застое», как я, тоже советский, понимаю, дальше-то все повернулось...

– Конечно. В начале 90-х на комбинате начались сокращения, зарплату по несколько месяцев не выдавали... Тяжело стало. Не та жизнь началась. Многие кинулись уезжать, но вырваться не все смогли – не было денег на самолет, поезда там не ходят, квартиру продать тоже было почти невозможно. Комбинат попал в частные руки и капиталисты новоявленные делали с нами, что хотели... Кстати, многие северяне, пожилые в особенности, так и не смогли даже поздней выбраться на Большую землю, где ни жилья, ни привета, так и остались заложниками севера.

Вспоминали мы разговоры со специалистами из Канады, что приезжали раньше на комбинат за пасть опытом. Удивлялись они, что у нас много рабочих и инженеров, которые живут в Заполярье по несколько десятков лет. Куда смотрит медицина? У них, мол, в Канаде, тот, кто проработал на севере 2–3 года, получает такую компенсацию, что может отдыхать всю оставшуюся жизнь!

Верили. Мы ж, знаете, доверчивые были всегда! Так? Ну и рассуждаем дома: а может, уехать куда за границу? Раньше приходилось бывать по туристическим путевкам в Финляндии, в Германии, в Чехословакии. Неплохо там люди жили. Видели сами. В общем, решили, что пока совсем худо не стало, надо уезжать. Валера узнал где-то, что в южно-американской Венесуэле есть государственная программа, по которой набирают в страну специалистов с высшим образованием из бывших соцстран. Замечательно! Программу эту организовал наш знакомый Олег. Он и приехал сюда первым. И стали мы ждать от него вызов, занимаясь продажей приватизированной норильской квартиры...

Дальнейшую, последующую одиссею Родины изложу больше своими словами. Ведь мало что меняется в мировых порядках, страшно консервативен наш земной мир! Писал я о судьбах русских кадет, когда-то ехавших в эти края. Тоже были свои разведчики: кто-то прилетал или приплывал океаном первым. Затем уж хлопотал о своих близких, добивался соответствующих разрешений и виз.

Родины, сумев продать свое жилье в Норильске, оказались на немалый срок в Москве. Ходили по инстанциям, «делали бумаги», где ушные московские чиновники, понимая, что люди при деньгах, «раздели» будущим переселенцев в Венесуэлу подчистую. Справки – так самые дорогие, гостиница – престижная, билеты на самолет – по высшему классу. В Каракас вчерашние северяне

прилетели практически без средств, с двумя сумками пожиток. Но поскольку они были первыми, что прибыли в Венесуэлу по государственной программе переселения, встретили их хорошо, в одном местном журнале появилась статья об «отрадном факте приезда специалистов с высшим образованием!» И на этом все фанфары и приветствия завершились. Будьте самостоятельны, устраивайтесь сами!

Надо было изучать испанский язык и пройти акклиматизацию. Для сей «процедуры» в здешних окрестностях неплохо подходило высокогорное местечко Колония Товар, основанное в девятнадцатом веке переселенцами из Германии. Поселились по договоренности с русским священником из Каракаса отцом Павлом Волковым в его загородную «кенту». Всем родинским семейством поселились, еще и «в придачу» с женой старшей дочери – Мишей, который прилетел несколько позднее, не просто пройдя процедуру на получение визы в венесуэльском посольстве в Москве. Но посольских чиновников убедил весомый довод Михаила: любовь к девушке! Ну а раз причина всему – любовь, то и препятствий не должно быть, вошли в положение, выдали парню разрешение на выезд за океан – к Родинам!

Колония Товар – место нынче пригородное, красивое, туристическое, работа – только для коренных, в основном, в ресторанах, кафе, в торговых «точках», на транспорте. Изучая по магнитофонным кассетам испанский язык, Родины получили разрешение на мелкую торговлю. Надежда пекла дома пирожки, продавали, тем самым держались...

Постижение языков лучше получается у молодежи. И Миша быстро освоился в Колонии Товар, приняли на местную немецкую фабрику, где выпускают колбасу, фирменные сардельки и «все такое немецкое прочее». Не просто освоился русский парень с незаконченным высшим образованием, а стал незаменимым специалистом. Порой среди ночи прибежал посыльный: Миша, помощи, выручи! Шел на фабрику, выручал.

Платили и на фабрике мало. Другой «побочный» заработок у семьи случался нечасто. Изредка приезжали из Каракаса родственники отца Павла, заказывали женской половине Родины шитье. Ну и, как признается сейчас землячка моя, на жизнь в итоге – «чуть хватало».

Надежда опять вольно-неволью вспоминает про норильское бытие, когда, к примеру, выезжали на Большую землю отдохнуть, то брали с собой «сумку денег». Если вдруг не хватало, потратились, то свои всегда выручали: возьми, дома, в Норильске, отдашь!

– Знаете, мне в общем и целом понравились и венесуэльцы. Народ общи-

тельный, не закрытый. Стоишь в какой-нибудь очереди, беседуешь со своими или по телефону-автомату на улице разговариваешь, подходят, улыбаются, говорят по-русски: а мы в Москве учились! И начинается общение...

Через год семейство перебралось в Каракас. Устроились «чисто по-советски», то есть почти бесплатно на квартире в русской семье, начали искать работу. Помогали венесуэльцы, знающие русский. Надежда Константиновна сошлась с венесуэлькой, та закончила ГИТИС и преподавала русский классический балет в школе при государственном театре имени Тереза Карени. Театр заглавный в городе – типа Большого театра в Москве. Взяли туда норильчанку аккомпаниатором, вот где пригодилось её первоначальное советское музыкальное образование.

– Сидишь на концерте, будто дома, в России. Наша музыка, наши русские классические балетные номера...

– Старайтесь, Надежда Константиновна, глядишь, образуем, переделаем на русский лад тропическую страну, станет она одной из республик России!

Согласно кивает. И рассказывает опять о семейных делах – о детях, о муже. Если старшая дочка Ирина приехала сюда с законченным средним образованием, готовилась в здешний университет, то Лена, младшая, стала учиться в венесуэльской школе, «хорошо влилась в жизнь сверстников, быстро освоила испанский язык, не забывает и русский» – дома Родины говорят только на родном языке.

Муж, как сказано уже, по профессии металлург, работы в Каракасе по своему профилю не нашел. В приморском Ардаге, где есть металлургия, берут только молодых, «пятидесятилетнему – увы, делать там нечего!» Освоил «деревянную профессию». Теперь успешно ладит полы, паркет в домах стелет. Дерево, как стройматериал, в Венесуэле очень дорогое, «позволить эту роскошь» могут люди состоятельные. Постепенно Валерий (отчество мужа моя собеседница так ни разу и не упомянула!) приобрел среди этих заказчиков известность, популярность, пригласили работать в компанию, она дает командировки по всей стране, значит, и заработок. Ну и, конечно, как призналась Надежда, семья впервые за десять лет в эмиграции «более-менее начинает стабильную жизнь».

Как человека общественно активного, гуманитарно образованного, интересовала Родину эмигрантская русская среда. Что за люди, чем дышат, как сюда попали?

Много любопытного открыла в детях, теперь уходящем, истаивающем поколении. Встречала также бывших власовцев, к которым и в новой Рос-

сии – «прежнее, подозрительное отношение». Слишком уж глубоко сидит в русских, советских генах война с немецкими фашистами, слишком велика и неизлечима эта боль и в младших поколениях... Надежда искала точки соприкосновения, внимая непростым судьбам постаревших власовцев. Ведь и судьбы близких родственников Надежды, о них ей рассказывали родители, были трагические. Бабушка отсидела в лагере десять лет, потом была реабилитирована. Дедушку и еще несколько родных, из учителей, людей интеллигентных, в тридцатых годах и вовсе расстреляли в НКВД...

Русский трагический двадцатый век продолжался и за рубежом.

– Кого я здесь только не открыла для себя! Группы... группки... И каждая старалась держаться «на особинку». Первыми «прорвались» на родину, в Россию, кадеты. Завязали дружбу с суворовцами, нахимовцами. Стали ездить друг к другу в гости, активно переписываться, сотрудничать. В Каракасе, в офисе инженера-изобретателя Легкова, кадета, учившегося в русском корпусе в Югославии, появился зал для собраний. Кадеты и сказали мне, мол, давайте подготовим праздничное открытие этого зала! Хорошо. Сценарии праздников – это по моей профессии. Подготовились. Чтоб никого не обидеть, пригласили всех русских в Каракасе. Понятно, по разным причинам пришли не все, (некоторые усмотрели и в этом недоброе!), но праздник вышел замечательным. И я поняла: можно нам объединяться: неважно, белый ты или красный, ты русский!

Затем собирала у себя дома русских детей-школьников. Пели, танцевали, читали стихи... Потом арендовали для встреч русских ребяташек апартамент. Все получалось у нас.

Еще запомнился вечер памяти Игоря Талькова. Десять лет со дня его гибели. Показали фотографии, слайды. Стихи, воспоминания тех людей, кто его видел и слушал, сочетались с его пением патриотических песен. Трогательно получилось. Были и слезы в зале... А присутствовали не только люди из колонии русской, посольство российское пришло к нам в гости почти полным составом.

А пушкинский день рождения. Пришли и венесуэльцы, учившиеся в СССР, в России, разговаривали с нами на равных, по-русски, а одна венесуэлка играла на гитаре и прекрасно исполняла наши романсы...

– Как отмечали у нас в Союзе в худшие времена, Надежда Константиновна, произошло единение, дружба народов!

– Им же, венесуэльцам, бывшим нашим студентам, интересно – русские! А

у многих из них ностальгия по Москве, по временам учебы в наших вузах... А началось это единение, дружба в праздник открытия Колумбом Америки. Масса народа собиралась на Плаца Альтамира – песни, карнавальные действия, ликования... Нас, нескольких русских, когда появились на празднике в первый раз, – в объятия. Вместе пели и танцевали... Сейчас же, в последние годы, этого не стало, Колумб «сделался» для латиноамериканцев не открывателем, а колонизатором! Политика, никуда не денешься...

У нас же своё! Кое кто из старой эмиграции на организаторов таких встреч тоже косо посматривал. Считали, что мы, активисты, занимаемся коммунистической пропагандой и – всё тут!

– Так все-таки, Надежда Константиновна, сделаем Венесуэлу одной из союзных республик России, а?

– Рекомендую пообщаться с венесуэльцами, учившимися в Москве, Ленинграде, других городах. Их где-то около трех тысяч. У них ностальгия по тем временам. Они понимают, что все, что произошло в России в девяностые годы, это упадок и развал, предательство. Они патриоты России, редко таких среди русских найдешь. Они учились у нас бесплатно, они получили хорошее образование, они приобщились к великой русской культуре, они привезли массу книг с собой, домашние шкафы у них набиты нашей классикой. Дети у них говорят по-русски. Жены их смуглолицые тоже стремятся научиться... Я бы так сказала: семьи эти венесуэльские – носители русской и советской культуры! Они очень страдали раньше, что у них не было связей между собой, негде было встречаться, разговаривать на русском, вспоминать Россию... И вот получилось. Объединились в ассоциацию, зарегистрировали её, пригласили нас. Помогла им написать сценарий «Дня рождения ассоциации», потом отпраздновали, где все дружно пели песни наши и, конечно, «Подмосковные вечера».

– Не кажется ли вам, что время русских наступило сейчас в тропической Венесуэле? Встречался с представителями наших промышленных компаний из России, с людьми из «Лукойла», например, с представителями других компаний, что имеют здесь перспективы на сотрудничество, на помощь в развитии экономики страны. Скажем, нефтяной, газовый, военно-промышленный бизнес-интерес...

– Да. Сейчас в Венесуэле востребовано изучение русского языка. Я, например, даю уроки языка для сотрудников министерства энергетики и нефти. При-

глашают и в венесуэльские семьи обучать детишек. Благодатная среда. Дети так быстро все схватывают! Послушаешь, как чисто они поют наши песни на концертах, как танцуют ладно наши танцы, как играют на пианино нашу музыку, душа радуется.

В русских домах нашей колонии редко возникает проблема личных библиотек. Престарелые их хозяева звонят мне: возьмите книги, пристройте куда-нибудь, а то пропадут, мол, после... И таких библиотек оказывается здесь множество! Хотелось бы, конечно, чтоб наше посольство помогло организовать русскую библиотеку в Каракасе. Но пока никаких движений в этом направлении нет. Что я делаю? Предлагаю книги в дома венесуэльцев, учившихся когда-то у нас. Принимают с радостью. Знаете, в Каракасе, есть одна венесуэльская семья, так у них в квартире – настоящая Россия: матрешки, салфетки вышитые, самовары, наши календари, журналы, книги... Была у меня папка с картинами Русского музея, предложила им. Поместили репродукции в рамки, под стекло.

Знаете, всегда нашим крепким чаем угостят. Где-то и гречку берут, с ней здесь чрезвычайно трудно, деликатес. Достают. Готовят русские блюда с гречкой. Я их научила пельмени делать. Обожают!..

Долго так разговариваем. Люди мы не совсем далекие по возрасту, а уж по духу так совсем родственные. Хоть руби российский якоря да подключайся здесь, в тропической, пассионарной стране, к подвижной деятельности – во имя добра на земле нашей! Тут и солнышко так ласково и соблазнительно светит! Мне, моряку, бывавшему в южных жарких морях, по сердцу оно, по нутру! Знаю, прочувствовал в те свои штормовые дальние походы. Но поразмыслишь, как бы очнешься, с грустью подумаешь о нынешней судьбе Отечества: нет, братцы мореманы, дел и дома полно! Хоть и прекрасна, хоть кипит задором страна Венесуэла, где сказочно богатые недра, где есть все для жизни и радости, а ждут родные края...

Еще успеваю, например, вот прямо сейчас, проводив гостью моего барчика, на жаркой полдневной улице района Лос Палос Грандес, полюбоваться, как из-за горы Авилы плывут в вышине разноцветные парaplаны отважных людей.

Купола парaplанов – один, второй, третий, десятый, пятнадцатый...

А на каждом летательном аппарате – не робкого десятка местный воздухоплаватель. Что-то есть символическое в свободном парении этих смелых людей, граждан страны, устремленной в будущее.

*«Ревность по доме Твоем
снедает Меня» (Ин.2,17)
Выбит из жизни?
Никто не вбивал!*

*Иду вдоль шальной дороги
Под бешеный шорох шин...
Какие их несут тревоги?
Покою ли ищут души?
Куда они, к бесу, мчатся,
Ведь служба в церквях прошла!?
Не буду за всех ручаться...
Авария произошла:
Ретивый «фольксваген» справа
Решил совершить обгон...
Стесненье ему не по нраву –
Помехи со всех сторон.
На многополосной трассе
Не стало свободных мест...
Скучную жизнь украсить
Бросило «мерседес» –
Наперерез... О, чудо!
Да, жизнь – это ком чудес!..
Плюнув в металла грудь,
Потопал водила в лес...*

* * *

*«Ты кто?» –
Подойёл счастливчик.
«Бродяга, Христовый поэт».
Сошли под овраг. Обрывчик.
Ручей подмигнул – привет!
«В «фольксвагене» –
живы-здоровы?»
«Подлечатся «мерсом» моим...»
«???!»
«Проблемы не будет с обновой,
А ты куда ходом своим?»
«Хожу по земле, по Русской –
Болеет земля и народ!..
Широкая трасса, на узкой
Столкнул, вот, и нас Господь».
«Да, милый пейзаж, однако,*

Владимир Ермолаев

**Русскому поэту-страннику – 50
Точно о нем могут сказать только его стихи**

ПЕРЕКРЕСТЬЕ

Быль

*Без гонок течёт ручей.
Бывало в судьбе моей всяко,
Такое по воле чьей?»
«Наверно, неправильно ехал,
Иль ехал совсем не туда.
Беда лишь беде помеха –
Есть польза во всём и всегда!
Хлебни – полегчает немного!
Умойся в ручье, ободрись!..
Дорога!? До Бога дорога...
Что больно?»
«Пустяк».
«Обопрись!
Поймаю попутку – в больницу!
Бог знает, что смято внутри!?»
«Смотри-ко, писатель,
Мне снится?
На облаке – ангелы!
Три!!!»
«!!!»
«Да, нет, показалось.
Страхнуло,
Наверное, шибко мозги».
«И чем-то Небесным пахнуло!»
«Окраины жрут пироги...
Ты, видно, «не хлебом единым»?
К Небесному Царству в Пути?
Хочешь, я жизни картину
Прямо вот здесь?...»
«Освети!»
«Ты, видимо, мастер слова,
Я – мастер делишек земных!
Мы живы, и жизни основа,
Как эта бутылка «Смирнова»,
Сегодня одна на двоих.
Ты веруешь яростно в Бога,
Я с чёртом гоняюсь с утра.
Одна позвала нас дорога,
Да разные в спину ветра...
Какое бессмертье? Поверил!
Всё смерть унесёт за собой!
Не «бабок» – и заперты двери!
По сумме и слуги с тобой...
Забыл что ли – «голод не тётка»?
Кто в жизни успел, тот и съел!
Какая тут к Господу Лодка?
Всё выше по оползнию тел!
Какая мораль и совесть,
Молитва в предгорье дел?
Тут день – детектив и повесть!
Ты этого бы хотел?
Все люди давно проснулись –*

*Азарт будоражит кровь!
От счёта мозги раздулись,
А ты – про свою Любовь!
Нас долго с тобой учили,
Как надо – не надо жить.
Мы истины все пропили,
А правда – как первым быть!
Согласен, за счёт голодных,
Больных, детей, стариков...
Последнему быть не модно.
Мамона – для всех веков!
Постишься?
Поститесь дружно!
И нечего бастовать!
Молиться и каяться нужно,
Чтоб к сытым не приставать!
Всё уже совершилось!
Не Бог ли помог взлететь?
Общество разделилось:
Иметь или не иметь!»
«!?»
«Ну, да,
Я один там русский –
Нос у меня такой...
Духовно, быть может, пусто.
Ты сыт ли своей строкой?
Есть люди, а есть отребье –
Ну, так нас устроил Бог:
Одним дал мечтать о хлебе,
На «хлебном» другим помог!
Ничто в этом мире не свято!
Никто, значит, не виноват.
Одних не страшит расплата,
Другие боятся в ад.
Один сквозь посты проскочит,
Пугнёт...
Третий взятку даст...
Шестой без разбора мочит
За долларовой парнас...
А Ваши сидят в уцельях,
В хибарах, у трёх дорог...
Находят в труде веселье!..
Вам нужен, конечно, Бог!
Однако, повеселившись,
Оглобли берёт голтымба...
Вам можно восстать,
сдружившись,
У нас без друзей судьба.
Наш бог, компаньон, товарищ –
Пузатенький капитал!
А он, ты, поэт, понимаешь:
Делёжки на все плевал.*

И равенства знать не хочет –
Иметь! И ещё раз – иметь!
Он трудится дни и ночи,
Чтоб только не похудеть!
Солидность его и важность –
Реальная наша власть!
На вашу солёную влажность
Он трижды готов покласть...
Быть может, и обезбожить
Придётся и Вас – «се ля ви!»
Упрямых доуничтожить!
Вам – оправданье в крови:
Никто и не будет в обиде!
Любые мученья на вкус
В самом шикарном виде!
Хочешь... как Иисус?
Ты понимаешь – не глупый –
Нет Рая, есть волчий закон!
Лучше быть гордым трупом
Иль с «кровными», в миллион?
Планета одна на свете,
Здесь тесно уже давно.
Как жить?
И твой Бог не ответит!
А жить?
Нужно жить всё равно!
И в это лихое мгновенье,
Ценою – моей ценой,
Надеемся на везенье...
Мы живы своей войной!
Но выигрыш от фортуны
Я никому не отдам!
Из жил ваших сделаю струны,
Спою о душе Небесам!
Вы будетедохнуть, как свиньи,
Пожравшие бруцеллёз,
Рваться в домах, на mine,
Рыдать до малиновых слёз!
Отныне придётся плодиться
По плану!
И умирать:
На сценах, на поле биться,
Друг с другом –
Меня развлекать!
Так было всегда, так будет!
Приду-у-малю – социализм!
Есть сволочи, а есть Люди...
Есть жёлуди – рылом вниз!
Равенство только в могиле!
И там уже равенства нет.
Людей уже поделили –
Вот, к раю зелёный билет!
Вот так, землячок-сердцеписец!
«За встречу!» в далёких мирах!?
«Червяк» мне костюмчик
почистит,
А жизнь твоя вся –
В червяках!
Ну что, горемыка-писатель,
Расклад мой и нечем крыть?
Романтик Богоискатель,
Талант не боишься зарыть?..»

Струился ручей лучистый –
Скверны поток нипочём!
Пил собутыльник речистый,
Толкая Россию плечом.
Грех ли мне пить с несчастным?
Он волен судьбу выбирать.
Не белый он, я не красный...
О, Родина, Русских Мать!!!
«Ты ищешь Христа Живого
И вечно пытаешься жить
На службе у Господа Слова?..
Что значит, кому-то служить?
Мне служат менты и мэры,
И армия иногда,
А эти, «служители веры»,
Так «сразу» и «завсегда»!
Они мне грехи отмолят,
Осветят и просветят!
А надо – так и отмоют.
Отмытые как хрустят!?
Они сатану оправдают!
Заплатишь – благословят...
Они меж собой гадают
Кому и почём простят!
А ты почему не скажешь:
Всё просто: тот бог, кто съел!?
А бога у нас не замажешь!
Я уже кавалер:
«Владимир Святой», «Георгий»,
«Невский» и «Даниил»...
Ты будешь, поэт, в восторге
От рак наших – не от могил!
Попы уже пишут святцы,
Акафисты нам, «святым»!
Да, круговое блядство...
Вот чудо – колечком дым!
Да мы уже все пецеры,
Где мощи святых лежат,
Скупили для новозеро...
Шалавы мои визжат...
Радуйся вместе с нами!
Доллары только врозь.
Ну, хочешь, возьму в Майами?
Ты всё – Христос!
Ну, брось!
Срежем коробку акций,
Домик на берегу...
Вот где начнёт писаться!
Я тебе помогу.
Книга пойдет за книгой –
Бизнес откроешь свой!
Разборка, война, интрига...
На выбор сюжет любой!
Не надо дремучей Правды!
Все правды распроданы!
Вообще о жидках не надо,
О бедах «родной страны»!
«Их» нету – и темы нету!
Есть только фатовых мир!
Мы хапнули всю планету,
И жизнь – это сильных пир!
Конечно, ни без малины,

И страсти, и остроты...
Сегодня – с моей машиной,
А завтра, машина – ты!
В фантазиях беспредельны,
В шалостях без вины...
Это – наш мир! Отдельный!
Наши мечты и сны...
Избыток любой – достаток.
Богатству супруга – власть!
Кого-то поднять с лопаток –
На спину себе упустить!
Законы у нас другие:
Вместо заветов – риск.
Намеренья все благие.
По жизни любой – артист!..
У ВАС всё – с великим смыслом!
А цель? Неземная цель!
Наши заслуги – в числах.
Победы хранит постель!
Нам НЕТОВАР не нужен!
Нужен почёт и страх!
Чем лучше нам лижут дружно,
Тем крепче мы на ногах!
Ну что, не соблазн, писака
Неведомых бедных мест?
Ты жизнь проживёшь со вкусом –
Снимай свой кровавый крест!
Ты будешь в кругу историй –
Не то, что машины в лоб!
Ну, правда, и крематорий,
Если запишешь за «стоп»!
Тайный союз с иностранством!
Тс-с! Народы у нас в руках!
А вам – наркота да пьянство!
Финансовый полный крах!
Ручей убегает в море –
На гору не забежать!
Глубоко на матери горе –
Иуду на свет рожать!
Неужто в просторах мгlistых
Нет веры уже в сердцах?
Последний источник чистый,
Как женицин святых слеза!
«Ну что, по последней что ли,
Последний в судьбе бедняк?
Пиши о народной доле
Христовой страны дурак!
Тебя уж не переделать –
Додельвай душу сам!
Какое мне, впрочем, дело –
И сам ты себе с усам!
Прошла между нами пропасть...»
«А, может быть, Русский меч?»
«Ну, жизнь, ты такая подлость!
И мука от Божьих встреч!
Прощай навсегда, бродяга!
А я полечу в свой рай...»
На том берегу оврага
Он сел в голубой трамвай.

Рассказ

Александр Козловский

Слово – не воробей

Прости меня, конечно, дочка, только зачем ты такие слова нехорошие своему собственному ре-

бенку говоришь? «К черту иди!» Ну, сама вижу, что не ангел он у тебя, ну дак на то у него заднее место и имеется: шлепни разок-другой – ума подбавь. А к черту посылать... Слово – не воробей, зазря что ли говорят. Можно словом одним таких делов натворить, что век потом локти кусать будешь. Сколько случаев было; вот пошлют кого-нибудь как ты: черт, заberi!, и ладно бы кого, а то своего родного, и пропал человек! Как в воду канул, ищут – все без толку. Находят иногда потом да поздно – мертвого. Не веришь? Так и я б не верила до поры... А вот если б, не дай Бог, с твоим отцом такая беда как с моим случилась, так и не такому б поверила.

Где-то мне лет восемь тогда было, когда вся эта заваруха вышла. Мой отец в емтеэсе работал на тракторе. До сих пор помню, газогенераторным назывался трактор этот, а отчего такой – не знаю. Знаю только, что прежде, чем заводить, щепочками его растапливали как печку. Поле-то как раз почти за нашим домом и было. Мы ведь не в деревне жили, а в бригаде, на хуторе бывшем. Там раньше хозяева свои были, а когда колхоз сделали, раскулачили их, выслали куда-то. А на лето селили в нем работником емтеэс с семьями. Две семьи нас там: я, мамка да отец, другая семья большая, ребятшек токо человек шесть, да муж с женой, понятно. Мы-то в малухе жили, а они – в доме. А еще с ними в комнатке отдельной старуха одна жила. Сродственница тех хозяев прежних. До того стара была, что не тронули ее. А, может, и оттого не тронули, что боялись. Добра ведьма была! Детей малых ей не показывали, взгляд – изурочит. Бывают такие и сейчас. И не знаю, с чего невзлюбила она моего отца, он-то ведь ее семью не выселял. Ко мне, к матери – ничего, бывает, поздороваешь, хотя обычно – все молчком, а вот как его увидит, так и начнет браниться, на чем свет стоит. И все-то «черт, тебя заberi», то – «нелегкая, тебя унеси». А отец мой человек на редкость спокойный, только знай себе посмеивается: «Унесет когда-нибудь, куда ж я денусь». Другой бы на его месте и ударить мог, а он только...

Однажды попросилась к нам какая-то женщина ночевать. Поначалу-то к соседям постучалась, мол, пустите на ночь. А куда с такой оравой; к нам таким разом и попала. Просилась на одну ночь, а вышло

так, что почти 2 недели прожила. Погода плохая стояла. Дожди зарядили – целыми днями без продыху, кругом такую грязь развезло – не то, что по колено, а по пояс, в прямом смысле. Куда в такую погоду человека отпускать. Не помню уж, как звали ее правильно, не то Клавдия, не то нет, но, да и Бог с ней. Но хорошая женщина, покуда у нас жила, так во всем матери по хозяйству помогала. Она какой-то особенной веры была, ходили в то время такие люди из деревни в деревню, в веру свою звали. Она и с родителями моими такие разговоры вела, но не приняли они слов ее: мол, ночевать – ночуй на здоровье, а разговоры нам твои такие ни к чему, охота была лишнюю заботушку себе искать.

А я ей, видно, по сердцу пришлась, приглянулась. В первый же вечер подозвала она меня к себе, посадила на колени, гладит по голове, а сама давай всякие разности рассказывать, да все больше про чудеса. Даже матери моей такие рассказы понравились. Ну а мне, вестимо, еще интересней. До самой ночи ее сказки слушала, так и заснула, прям на ее коленях.

Много чего она мне рассказывала: про старых людей, которые раньше на Руси жили, про то, как клады нечисть всякая оберегает. Я, конечно, мало что запомнила. Восемь лет мне... Ну, ребенок. Но одно мне, не знаю уж от чего, но как в душу запало: коли, прилетит к окну птичка и клюнет в стекло – быть беде, помрет кто-нибудь в этом доме. А если хочешь беду отвести прочь, так хватай палку и скорей эту птичку бей.

Распогодилось, засобиралась Клавдия, поблагодарила родителей за угол, пошла дорогою своей. А матери на память иконку оставила – махонькую такую, медную, уж не помню, что за иконка, но долго потом еще она у мамы была.

А отец мой на другой день, как Клавдия ушла, опять со старухой соседской разбранился. Пока дожди стояли, она из клетушки своей носу не выказывала, а тут и выползла на Божий свет. Отец во дворе с трактором возился (они всегда его со сменщиком на ночь во двор загоняли – мало ли что случится, отвечай потом), он что-то у него никак не заводился. Она подошла, смотрит на него, головой качает, вылупилась, как сова, ворчит что-то себе под нос. Не вытерпел отец: «Чего тебе, старая, надо-то? Что ты за мной все ходишь? Шла бы куда подальше, не мешалась». А она в ответ змеей зашипела: «Вот погоди, черти тебя заберут, нехристь. Заберут вместе с машиной твоей чертовой». И захихикала: «Заберут! Заберут!». Отец, добрая душа, остыл уже, успокоился: «Заберут, коль ты говоришь, померещь вскоре, поди, так вот им скажи, они и заберут». Она сразу хихикать перестала. Зыркнула на него и в дом пошла. Отец посмеялся, починил трактор

и в поле поехал. Поле-то почти за домом было. Мать тоже ушла, одна я дома осталась. Сижу, куколку качаю – была у меня тряпичная. Вдруг словно кто-то заставил меня обернуться. Вижу, подлетает к окну птичка, маленькая такая воробья размером поменьше будет, но красивая, разноцветные перышки у нее. Вцепилась коготками в раму, в перекладину, посмотрела на меня: глазки у нее точно пуговки маленькие, блестящие, а потом клювом о стекло: клюк. Повертела головкой по сторонам и опять: клюк.

Вспомнила я Клавдины слова сразу, как током меня ударило, озноб прошиб. Не знаю, как так быстро в себя прийти сумела, ведь ребенок совсем. Видно, Бог помог. Выскочила во двор, схватила щепу, что у поленицы лежала и к окну. Хотела птицу эту стукнуть, как Клавдия учила. Она от меня в сторону – пых. Но далеко не улетает, села на карниз. Я в нее щепой кинула – промахнулась. Птичка опять на другое место – пых. Я опять кидая, и опять – мимо. И так много раз. А она, птичка-то, веришь, нет, словно дразнится, далеко не улетает. Порхнет в сторону и опять садится, на меня посмотрит, головой покачает. Так за ней я весь двор обежала. Кидая в нее, что под руку попадет. Она под конец от меня в палисадник, да там меж кустов ей лететь неудобно, тут я в нее и попала. Упала она наземь. И, веришь, дым какой-то из того места повалил. Перепугалась я. Реву дала, и домой. Шашть на печку, забила в самый угол и сижу.

Немного погодя слышу шум какой-то во дворе. Мать прибегает, вся в слезах, перепуганная: с отцом беда стряслась – перевернулся на тракторе. И как вышло? Ладно бы пьяный был, а то... Ноги все себе переломал. Долго потом болел он. С работы пришлось уволиться, выехали мы из той малухи. И то ладно, что живой. Поезвло, можно сказать, еще маленько и насмерть бы убили.

Я им не сказала сперва про все. Да и кто бы слушать стал, не до меня им было тогда. Потом долго еще не решалась сказать, вдруг не поверят, еще и отругают ни за что. А потом рассказала все-таки. И поверила мне мать. «Это, – говорит, – все старая карга накаркала. Да и ты хорош, – это она уже отцу, – молол языком всякую чушь, вот и договорился».

Да и еще, старуха-то та умерла вскорости. Тоже неспроста, поди... Видишь, как одно слово нехорошее столько беды натворить может. А ты бранишься так, не думая. И ладно бы на кого, а то на родного сына. Знаю, любишь ведь его, ишь как на тебя похож. Ну, вот и не ругай так больше. Лучше уж по заднице пару раз ремнем стегани. Это – ничего, это – можно!..

г. Сургут.

ТРУДНОЕ ПРОЩАНИЕ

Пятого марта 1953 года умер председатель Совета Министров СССР и генеральный секретарь ЦК ВКП (б) Иосиф Виссарионович Сталин. В дни большого траура я был в Москве, в командировке. Помню, как по радио были передачи о жизни и деятельности Сталина, как три дня звучала печальная музыка.

Шестого марта гроб с телом Сталина был установлен в Колонном зале Дома Союзов (угол Охотного ряда и ул. Пушкина). Было объявлено, что разрешен доступ трудящихся в зал для прощания с покойным. Три дня продолжалось прощание с руководителем государства, при котором было столько великих дел.

Попасть в Колонный зал было очень трудно, на улицах, ведущих туда и переполненных народом, были даже погибшие в давке. Шли в зал не только москвичи, в столицу для прощания ехали со всех концов страны. Я услышал. Что из-за многолюдности отменили прибытие поездов и электричек, но люди из-под Москвы шли в город пешком.

Я пошел в Колонный зал 6 марта и на Трубной площади попал в такую давку, что пришлось на животе переползти через машину, чтобы уцелеть. Милиция и внутренние войска загородили улицы, желая навести порядок, но этот порядок нарушался.

Людская очередь к Сталину растянулась на несколько километров. Милиция и войска пресекали попытки примкнуть к очереди со стороны, следовало идти искать её конец, который находился далеки-далеко. Но так как я был в форме офицера внутренних войск, то меня пропустили в очередь со стороны улицы Пушкина.

Почти все люди плакали. Они плакали потому, что верили государственной и полководческой мудрости Сталина, прощая ошибки и перегибы.

Плакали, жалея того, под руководством которого столько они сделали! Построили новые города, основали массу новых производств, создали много громадных промышленных предприятий: Днепрогэс, Магнитогорский комбинат, Уралмаш... Государство стало великим и сильным, а ведь все это было сделано после разрухи, вызванной первой мировой и гражданской войнами, почти всё было создано с нуля.

Плакали потому, что столько вынесли в Великую Отечественную, понимая, что и он много вынес и пережил как руководитель государства, полководец и как отец, потерявший на фронте сына.

Плакали, вспоминая, как гордились Великой Победой, хотя к началу войны почти вся Европа была в руках фашистов, и они использовали её людской и промышленный потенциал. Только Советский Союз дал им отпор и наголову разбил, освободив свою страну и Европу. А организатор и вдохновитель Победы теперь ушел из жизни...

Плакали потому, что Сталина не стало. А сможет ли кто-нибудь другой, возглавив государство после него, быть таким же сильным руководителем? Обо всем этом я слышал негромкие суждения в многочасовой очереди, которая медленно продвигалась к залу.

Припоминается, что один мужчина сзади вполголоса вспоминал, как быстро в конце 1920-х построили Турксиб (Туркестано-Сибирскую железную дорогу). Как он там однажды поехал куда-то на верблюде, но его сильно укачало, и он свалился. А потом из Средней Азии вернулся на поезде.

Доступ к Сталину начался в 16 часов, а я попал в зал поздно вечером, кажется, в 21 час, так долго продолжалось шествие. В зале на невысоком постаменте стоял наклоненный гроб с телом Сталина в военной форме, была масса цветов и венков. В некотором отдалении от него медленно двигался в конец зала людской поток, глаза всех были устремлены на покойного. Выходили из зала через другие двери.

Не помню, кто стоял в почетном карауле, но видел, что недалеко от гроба сидела молодая женщина в черном, видимо, в знак траура с распущенными темными волосами (может быть, по грузинскому обычаю). Наверно, это была дочь Светлана.

В Колонном зале очень чувствовалось единство настроения и горя, мне были понятны переживания и слезы многих. После окончания 1-го Тюменского пехотного училища в 1943 году я был отправлен на фронт, участвовал в боях против немецко-фашистских захватчиков. Радовался, что их погнали на Запад, но было очень больно, если гибли боевые товарищи. И сам был тяжело ранен.

Когда я уходил от Колонного зала, снова пришлось пробираться сквозь людскую массу. Народ по-прежнему заполнял улицы, видимо, многие решили остаться здесь до утра, чтобы на следующий день попасть в зал.

Девятого марта состоялись похороны Сталина на Красной площади. Я на площади не был. Однако слышал, что там был траурный митинг. Гроб с телом Сталина, привезенный на орудийном лафете, на время митинга был установлен на постамент возле Мавзолея. Позже я прочитал, что на митинге были руководители партии и Советского государства, а также многие главы иностранных государств и правительств.

Я услышал гром артиллерийских салютов, когда после митинга руководители Советского государства понесли гроб в Мавзолей. Когда часы на Спасской башне проббили 12 раз, протяжно загудели заводы, паровозы, пароходы... Эти гудки были не только в Москве, они гудели по всей стране и длились три минуты. А когда тело Сталина положили в Мавзолей, на Красной площади был военный парад. Но я только видел, как в небе тройками пронеслись боевые самолеты, летели они очень низко, подчас казалось, что прямо над крышами зданий. Видимо, день был облачный, потому и летели ниже облаков.

Так моя служебная командировка совпала в Москве с траурными днями похорон И.В. Сталина.

Михаил Зингер,
участник Великой Отечественной войны,
г. Тюмень.

НАМ ВЫБИРАТЬ НЕЧЕГО —

«Выйди из среды их» (Евангелие)

ПОКАЙТЕСЬ!

Номинальному неороссиянину, утратившему корни, трудно представить новые формы войны, разработанные именно для сокрушения русской души, чтобы завладеть необъятными просторами России. Суть её заключается всего лишь в подмене Святого Православия, в полном отказе от «Источника, текущего в Жизнь вечную», ибо **только Наша Вера даёт человеку подняться до смысла его жизни, земной и загробной. А другой Христос не приносил!**

Приземление всех человеческих ценностей — один из методов отсеечения народа от Правды, от Назначения, от самосознания, от силы своей, от того, что ставило Русских на высоту Духа, Ответственности и добротворчества, как самой духовной Нации. Без мессианства Святой Руси на исходе земной истории вся жизнь человеческая сводится только к исполнению функций, наложенных безсердечной системой, потреблению ею же произведенных благ, плановому размножению и такой же бессмысленной смерти. Вся «жизнь» в российском электронном концлагере ныне сводится к: существованию от работы до стола, от стола до туалета, и далее циклично до выработки биоресурса биоиндивида.

Опозоренный и униженный народ, в недоумении и невежестве, как ребёнок доверчивый, ныне так и не верит, что уже антинародом переведён в антижизнь, где реальным остаётся только еда, да и та не еда... Из-под коренных народов просто выбили нравственные и законные основания управлять Россией, жить в ней соответственно национальной традиции — православно, то есть, как минимум, по совести.

В результате переворота 1991–93 гг. и присвоения всего движимого и недвижимого, природных ресурсов и СМИ, новые хозяева, как антихристов спрут, проникли во все сферы госуправления и повели политику в соответствии со сценарием Мирового Правительства, цель которого ликвидировать Россию как последний оплот Божьей Правды, ибо без духовных Очей (Святой Руси) весь мир слеп и внушаем.

Мы сегодня наблюдаем, как ГД, якобы многофракционная, на деле является одной командой, умело разыгрывающей принародно спектакль про демократию. Так и Мировой кагал, управляющий всеми государствами изнутри, кроме Северной Кореи, Белоруссии, Кубы, Венесуэлы, Ирана, Сирии и ряда ближневосточных стран, все страны постепенно превратил в послушные фракции мирового правительства. **Ныне определяется судьба «самого непокорного Русского народа», изнывающего под «паче всех злейшим игом», но свою судьбу он может решить только сам — нет у нас друзей, кроме Господа и святых Его, в земле Российской просиявших!**

Святой кровью пропитана и светится вся Россия, на которой мы отбываем бессмысленный срок и гадим, гадим, гадим — это программа саморазрушения, которую через ТВ вставили в подсознание обезбоженному конгломерату бывших народов СССР. Сил у врагов недостаточно — они привлекли наши «человеческие» ресурсы для саморазрушения, а дурак, как известно, страшнее врага.

Слушаю радио, и опять иудаистскую прозу о своём весёлом или антирусские «хахатушки» предлагают за эталон новой русской литературы, описывающей успехи одного из своих соплеменников, сделавшего гешефт «в этой стране». А люди слушают и даже не догадываются о существовании таких имён в ещё живой Русской Литературе как Николай Рубцов, отец Олег Скобля, Валерий Хатюшин, Николай Боголюбов, Нина Карташова, Николай Денисов, Михаил Ножкин, Геннадий Пономарёв, Леонид Сидоров, иеромонах Роман, схимонахиня Николая, Валентин Сорокин, Николай Тряпкин,

Лилия Кулешова, Геннадий Суздаев, свт. Иоанн Шанхайский и многих других современников, которые перешли в Мир Лучший или ещё продолжают стоять в Истине, охраняя чистоту Слова и оставаясь на высоте спасительной народной мудрости.

А материалистический взгляд на политический мир и ростовщическую экономику выдают за истину всё те же идеологи уничтожения мощи российской державы в угоду свою и Западу. Но ведь мы-то находим какое-то здоровое зерно в оценках познеров, хотя там всё — антирусское! И что — это спасительная мудрость? Или банальный самообман, когда ложь роднее Правды? Наверное, пора заинтересоваться работами тех, кто смотрит на мир с позиции нацинтересов, с позиции госразвития и духовной независимости от мирового зла и здравого смысла!? Пора знать их работы и молиться за светлые души митр. Иоанна (Снычева), Константина Душенова, Олега Платонова, о. Андрея Горбунова, академика Львова, Юрия Воробьевского, проф. Владимира Волкова, проф. Владимира Жданова, генерал-полковника Леонида Ивашова, Юрия Филимонова, Игоря Фалина, Татианы Нарочницкой и многих, поверьте, других!

Без традиционного вкуса Истины невозможно отличить дурное от доброго, вредное от полезного, своё от чуждого. Вкус же этот есть способность «испытывать духом», Русским духом. А если его нет? Почти нет. **Истоки его в Евангелии, единственном Источнике знаний и силы, которым пользовались наши предки, Чем и побеждали. Мы духовно будем оставаться слепы, пока не обратимся к Свету Истины.** Незаметное отвращение нас от Света есть очень осторожный и тонкий метод борьбы с «самым непредсказуемым народом». Народом-Богоносцем! Но если «мы» сбросили Бога вместе с Царём, то неужели века и 100 млн. жертв недостаточно для понимания, что прозрение и возвращение ума возможно только через покаяние и призыв Царя на служение Матери-Церкви и Государству Российскому!? **Без соборного покаяния, локальные попытки которого идут уже всюду, нам не вырваться из духовной ямы, всё более образующей форму всенародной могилы!**

РУССКАЯ ДУША И РЫЛО ВРАГА

Ныне, когда тайное «перестройки» — «демреформ» становится явным, традиционно нравственный подход к оценке российской действительности в этих «изобилиях» и «свободах» не находит ни общественной справедливости, ни народной правды как питательной среды Христовой Нации, ни духовной стены на пути «враг видимых и невидимых».

Начиная с президента Путина (недопустимо зажегшего свечу в синагоге иудейской, чем отверг себя от Святой Руси и Церкви Христовой в соответствии с Основами Православия и Уставами Церкви), власть «в этой стране» настойчиво убеждает нас, что «только придурок может думать, что Россией должны управлять русские». А нас 82% от населения РФ. Пока они еще страшатся нас. И страхи их обоснованы, ибо подлинное возрождение Русского духа для «демократов» подобно смерти! Реанимация среды русской справедливости, освящённой Матерью-Церковью, Закона Божия в государственной и общественной жизни лишит их благополучия на мутной воде, созданной в результате интеграции России партийно-продажной в муть погибающего Запада, давно мечтающего об устранении с мировой арены Полюса Справедливости и установлении однополярного сатанинского мира.

Присмотримся пристальней к нынешней ситуации в РФ. Справедливо ли: невесть откуда взявшийся Абрамович имеет зарплату более 5 тысяч долларов в ЧАС тогда, как

ПРЕДКИ ВЫБРАЛИ ПРАВДУ!

честнейший человек месяцами ждёт заработанного? Как-вы критерии такого неравного «благополучия»? **Случайно ли такое унижение простого человека (в материальном отношении), который для России справедливой куда ценнее всех нуворишей вместе взятых?**

Известная мне молодая женщина, умница и красавица, закончившая с золотой медалью школу и с красным дипломом ВУЗ, вынуждена сидеть дома только потому, что, как оказалось, её внешние данные привлекают руководителей фирм и учреждений более, нежели её профессиональная подготовка и христианская совесть.

Другой пример более отражает модель демократической государственной машины, которую так не получается отделить от «надстройки», как и начисто материализовать «базис». Руководитель структуры (всего-то: бывший ЖЭК), взлетевший на волне «заглатывания суверенитетов и советской собственности», включающей в себя около 200 человек, со временем освободился от правдолюбцев, среди которых были и специалисты своего дела. Став законным собственником предприятия, всей вспомогательной структуры и социальной сферы, директор по сути стал и рабовладельцем штата сотрудинок.

Все «подданные» его «загона» должны быть лишены иных политических воззрений, любых нравственных позиций, каких бы-то ни было верований и личных убеждений, не должны иметь личные позитивные особенности и быть уважаемыми наравне с ним. Словом, нужны бессловесные роботы-скоты, раболепно исполняющие свои функции и готовые удовлетворить любые прихоти и похоти своего начальника. **Жить «в ежовых рукавицах» по-демократически – помнить о своём ничтожестве, непрестанно испытывая крайнее унижение человеческого достоинства и быть готовым с улыбкой опуститься до плитуса.**

Однако советская школа воспитания и коллективизм, ВОВ и гонения праведников помогли сохранить многовековое духовное преемство, что есть осознание своей богоподобности, несмотря на принудительное внушение со школьной скамьи о наших обезьяньих истоках. **Самый страшный враг у нынешней демократической России – Личность, свободная от пороков, независимая от привлекательных новшеств, не принимавшая участия в разграблении собственной Родины и растлении собственного народа, Личность с чистой совестью и правым духом.** Поэтому демсвободы ныне открыты только для врагов свободной от грехов Личности и в сторону поражения духовных основ Народа. Отсюда – свобода разврата, порока, самоистребления.

Сегодня происходит уничтожение духовно-нравственного генофонда страны. Как говорит статистика, мужское население России деморализовано, деградировано и нравственно опущено более, чем женское. И святые говорили, что «Россия спасётся платочками», так как в них, в Русских Женщинах, сохранится чувство справедливости, ответственности, смысл страданий, Божья Правда и жажда Её утверждения в загаженной ныне России.

Так вот, что делает этот рабовладелец, зная, что все уже молятся на него, законного, и зная материальные трудности каждой из своих работниц: у одних – болезни родных, старики на иждивении, у других – дети на платном обучении в вузах, у третьих – долги и т.п.. Периодически то одну, то другую из своих подчинённых он вывозит на собственную базу отдыха, нет, не для того, чтобы дать передышку специалисту – поощрить свежим воздухом чудной природы, а чтобы морально раздавить и духовно погубить зависимую от иудея-растлителя душу.

К сожалению, отсутствие опоры, незнание выхода из ситуации и маловерие толкают женщин на производствен-

ную панель «ради детей и близких», не понимая, что этим самым они опускают и нравственную планку всего народа, делая банальным и привычным блуд, прелюбодеяние и прочие содомские мерзости. Часто, они ничего не получают из обещанного, сохранив рабочее место, но высокое чувство богоподобной Личности и чувство справедливости начисто утрачивают, что и требуется для нового хозяина новорусской России.

Ведь только духовному лицу и правильно верующему ясно, что связь слуги дьявола с русской женщиной не просто блудный грех, но совокупление со всем Народом Русским через христианку, насилие над Русской душой с целью изгнания Духа Божия, без Кого народ наш обезил, загипнотизирован и духовно мёртв! Словом, «безобидный» постельнобанный грех с отпрыском богоубийц есть всё то же ритуальное убийство, но уже всех нас с вами, дорогие христиане! Но чтобы вы так не думали, злодей и крестик напялит (предварительно наплевав на Него), и в крещенскую прурубь залезет, и «за упокой» выпьет (всего Русского Народа)... Эх, Мы!

А Мы есть «члены Церкви, Глава которой Христос!», и «всё, что касается тебя, касается зеницы ока Моего!» Словом, убийство Воскресшего Христа продолжается, только уже методом морально-мистического убийства христианок, через Русские Платочки. А мы думаем, отчего нам плохо живётся? А вот, в том числе и от того, что каждую минуту происходит насилие или оккультное соитие со всеми нами, которое имеет вампирические последствия этого непрерываемого уже греха.

Вся система управления современной РФ держится только на унижении и страхе выпасть из порочной структуры, которая «пока кормит». В результате, невидимое меньшинство, объединённое духом наживы и единым методом подавления нравственного сознания, управляет большинством ослеплённого коренного народа России, ведя невидимую войну с совестливостью, стыдом, верой истинной, что только и определяет НАС как Народ Божий. **Это мы забыли, что духовные качества человека – наше грозное оружие, а они очень хорошо усвоили за века, что целомудренный народ непобедим!**

Но вернёмся разок к нашему нынешнему хозяину куска РФ и нашего безбожного люда, который попался на глаза писательские. Кто они? В чём же их везение и превосходство над нами, детьми святых Предков?

«Они у меня все сосут!..», – как-то в очередном загуле зоологически горделиво заявил маленький «пан». «Хапаю и хапаю – устаю!». Ещё бы – денег-то в РФ ныне море, но только, как обычно, для избранных. Народ ждёт денег, но им богатство противопоказано, иначе вся машина управления толпой может дать сбой. Люди должны ждать и надеяться, а в это время, пользуясь наивным ожиданием трудящихся, неокapиталисты – жить и наслаждаться, держа на поводке финансовой зависимости свой «коллектив». На всех благ всё равно не хватит, но ликвидация ажиотажа – потеря энергетической подпитки аферистов всех уровней. Вот они «работают» в оптимальном (читай: безопасном для них) режиме. А люди сами успокоились – так теперь и будет, ничего не изменить, будем убажывать содомитов!

Мало кто из нуворишей задумывается над вторым своим предназначением – быть заложниками Кремля до поры до времени. Первое им пока позволяет: оставшиеся средства, сыплющиеся сверху, распределить так, чтобы безакцизному народу ничего не досталось (сытый-то не пойдёт голосовать и взбунтуется).

Даже по первому каналу ТВ в связи с очередным ритуальным убийством в Красноярском крае было сказано об

одной из целей этого кровавого «мракобесия». Оказывается во время мук и агонии ритуальной жертвы высвобождается душа (или энергия умерщвлённого человека), которой и питаются (заряжаются) сатанисты.

Надо здесь разъяснить разницу между духовной пищей христиан и антихристиан. Если Православные духовные силы находят в храме, в таинствах Церкви, в добрых делах, в изучении Писания, в служении Отечеству, народу и, главным образом, в принятии Святых Христовых Тайн за Литургией, то злые силы живут только антиблагодатью, то есть «причащаясь» страданиями ребёнка или целого народа; и полное подчинение диаволу всего народа (и человечества) позволяет получать максимум сатанинской энергии.

Словом, ничего не понять ни в одной сфере человеческой деятельности, не разобраться в тонкостях общественно-политических процессов, не уловить ход всемирной истории будучи вычеркнутым из духовной борьбы, определяемой 2007-летним противостоянием богоубийц и последователей Христа Распятого, ибо этот верховный фронт и определяет как следствие событийность других сторон общечеловеческих взаимоотношений.

И как доказала современная наука, даже климат и здоровье нации любой, в первую очередь, связано с выбором Крестного Пути или его отвержением. Отсюда становится ясно: только возвращение Народа Русского на традиционный путь Святого Православия, или в образ святой Соборной Жизни, или в миссию Третьего Рима вернёт на Землю былую благодать, благоденствие и высший смысл Жизни! Освободить своих детей и Святую Русь сможем только мы сами и только собственной внутренней чистотой и внешним героизмом! **Другого пути освобождения Родины от сатанинского порабощения и ритуальных убийц просто не существует в природе!**

Ну, а пока, когда остатку Великого Народа наплевать на свою судьбу, на всемирный позор, на вымирание и растление будущего России с ясельного возраста, проходивцам, предателям и врагам всех мастей ничего не остаётся, как преспокойно набивать карманы, мешки и банки, испытывая все виды мерзких плотских удовольствий от раблепных дур, боящихся «беса во плоти», вместо Бога, **«Который и душу и тело может погубить в геенне огненной».**

Вот и воруют. Денно и ночью. Куда девать массу наворованного? Себе всё нельзя. На развитие организации? Зачем? Всё равно придёт когда-то и смываться. Скупить недвижимость за рубежом, в «земле обетованной», на земле предков? Выучить детей? Власть подмазать – поделщиков?.. **И так постоянно и ежемесячно – такова жизнь, какую они для себя построили, получив власть над душами бывших Людей!**

Народ – вне экономического процесса, вне перераспределения и социальных средств. И, слава Богу, что он вне разграбления собственной страны: нищий, обманутый, спивается, но... совесть чиста пока.

Однако ситуация близится к разрешению. Богатые вынуждены богатеть уже просто потому, что их могут убить свои же. Могут убить или посадить и те, которых они вознамеряются выдать. Богатые оказались в ситуации хронического криминала, то есть обречённой буферной зоны перед грядущим народным волнением. При любом разрешении ситуации они (низшее и среднее звено руководителей от предприятий до городов и даже областей) будут разменяны и станут жертвой очищения – за счет их – верховной власти. **Среднее звено станет по воле Кремля «слабым звеном».** Собственно, власть для этого и позволила этому «звену» грабить до поры, не оставила ему другого выбора. Да и другого (идейного) метода управления власть не знает.

О ЛИЧНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

«Итак, с Россией произошла не капиталистическая революция или буржуазный переворот (это безобидные страшилища), но духовно-политическая оккупация огромной территории, «Дома Пресвятой Богородицы, которым стала Русь после нравственного падения Второго Рима. И Центр Добра и Справедливости ныне находится здесь, куда и ринулись все работники ада, для ритуального умерщвления последнего «Неба на земле»! Всё мировое зло устремилось не столько к мировым запасам сырья и дешёвой рабочей силе, сколько к последнему источнику Света и Истины на земле, жгущего его днём и ночью, к Народу-Богоносцу, чтобы омрачить его, развенчать, опорочить, совратить и погубить, осмеяв весь его славный и благословенный Путь.

Планета обречена стать вертепом разбойников, которые устанавливают царство тьмы, «но горе тому человеку, через которого эти соблазны входят в мир». Но долготерпение Божие не вразумляет злодеев, поэтому вслед за приватизацией всего недвижимого на земле следует приватизация душ человеческих. Неподдающиеся демонизации, естественно, подлежат ликвидации, ибо автоматическая система внедряемого электронного концлагеря может работать только в условиях поголовной дистанционной идентификации человека-костов и круглосуточного контроля (в том числе через компьютеризацию – ред.) над внешней и внутренней «жизнью» рабов захваченной террористами планеты.

Собственно, и **весь сценарий мировых событий и процессов идёт в направлении уничтожения государственных, национальных и религиозных суверенитетов, сокращения населения в соответствии с принятой программой «Золотого миллиарда», учреждения легитимного мирового правительства и утверждения новых общепланетарных норм поведения и правил жизни в «постхристианскую эпоху».**

Экономические, политические и иные обещанные пути возрождения – для наивных простаков и слепцов, утративших духовные корни со своим народом, с Богом.

Не вдаваясь в детали экономического и финансового управления государством, можно уже сегодня сказать, что наши, даже слабые усилия по духовному освобождению от навязанной мерзости, ускорят развал карточного дома демократии, мифологического псевдогосударства лжероссийского, **используемого лишь в качестве прикрытия для уничтожения еле дышащей Православной Руси.** Сознание мировых грабителей, лишенных тормозов, закономерно доведет управление нашей страной до абсурда, обескровив РФ. Видимо, нам необходима безысходность во внешней жизни, чтобы начать жить глубоко внутренне, в духовном единстве друг с другом в Иисусе Христе.

Их сила – в деньгах и земном клановом единстве по райскому обустройству временного земного пребывания за счёт «неудачников». Наша сила – в Правде Божьей, в неотмирном единстве, в исповедании имени Божьего и возвращении Домой после исполнения Своего земного Предназначения.

Мы не от мира сего, потому что Справедливость для нас дороже набитого аппетита, потому что Правда дороже общественного мнения, потому что Имя Божье и чистая душа человеческая дороже собственной жизни. **И иной справедливости для нас не существует, как и иной «Руси, Которая есть Подножие Божье!».**

Именно наш, ПО-ДЕТСКИ справедливый, взгляд не сразу может за ежедневно повторяемой ТВ-ложью и вбиваемой неправдой разглядеть все несправедливости строящегося вавилона, в котором интересы нравственных народов и здоровых личностей вообще не учтены, и не предусмотрены какие-то расходы на взращивание национальных талантов и русских лидеров. Как бы ни трещали СМИ о свободе под дуду своих властных хозяев, добрая личность всё более чувствует позор за себя, за детей, за страну, ибо справедливости не бывает сатанинской, или для суперчасти общества.

Сатанообразный профиль РФ всё более вырисовывается как на воспитанных на либеральных ценностях, так и на историческом облике демократически перерожденного Отечества, скупленного транснациональными компаниями, для которых дорожке доходов ничего не существует, а самый опасный раб для них, как известно, думающий раб. Превращение рабов Божиих в роботов – ключевая цель собственников всех уровней, доведения их до полного обестыживания и оглушения, до окончательного и безповоротного отказа от закона совести, вплоть до отречения от Христа!

В результате реформ везде будет установлена социальная пирамида с негодными-сатанистами на вершине и их холуями ниже, в соответствии с демонической квалификацией. Ныне идёт обезблагодачивание последнего оплота Божьей Правды и Справедливости – России, то есть процесс принудительного угасания Любви, как высшего содержания человека и народа, ибо «Бог есть Любовь». Любви всюду подменяется **ВЫГОДОЙ**, что говорит о принадлежности к антихристовым силам. Деградикация человека, как творения Божия, идёт с такой быстротой, что уже мы забыли, что обесчещенный не может постоять за честь семьи и своего народа – дела чести делаются честными людьми. Быстрая сатанизация общества есть гарантия того, что само забесовленное человечество не породит личности – «Худое дерево не приносит доброго плода».

И уже сейчас невозможно найти личность, способную возглавить освободительное движение к нравственному выздоровлению России. Богатых становится больше (10 миллиардеров в год), а личностей всё меньше, ибо многогранная душа, цена которой «выше всей вселенной», не может измеряться никакими деньгами. А в созданном электронном концлагере личностям с положительными взглядами на жизнь разбогатеть невозможно, но нахрапистые, безстыжие, антиобщественные элементы быстро вписываются в однородную по духу оккультно-криминальную систему.

Формирование духовного антимира, или мира антихристовых ценностей, к чему подключены все средства воздействия на сознание и душу человека, есть лишь форма войны на 1/6 части русской суши, ибо Нас, как Югославию или Ирак, не разбомбить. Но и к этому враги готовятся на случай всенародного пробуждения, хотя дебилизация населения обрела поистине всенародный и широкомасштабный характер. Об этом говорили святые старцы – о возрождении Святой Руси на короткое время перед полным помрачением человечества. Именно по этой причине НАТО обложила нашу страну ракетами и средствами космического контроля, чтобы ликвидировать возможный ядерный ответ уже на взлёте.

Это не «высокие слова» – хранение высоких чувств дают начало высокой Жизни. Нынешняя общественно-политическая система – преграда на пути духовного и творческого расцвета личности. Неправедные богатства, как видим, дают свободу пороку и извращениям, ещё более закрывая путь к духовному совершенству народа, ибо «двум богам служить не может».

Люди, планету захватили человеконенавистники, богоубийцы и руководители самой реакционной секты, утверждающие дичайшую ересь о богоизбранности мировой олигархии и скотской природе «человекообразных», не вошедших в это сатанинское окружение!!!

Каток зла, укатавший непослушные народы и государства в каменный век, ныне раскатывает по просторам нашей Родины, разделяя созданное и спасённое предками, распределяя и продавая национальные богатства и сырьевые ресурсы, перетусовывая население страны, начиная с родильных домов, перевоспитывая наших детей на свой западно-сатанинский манер.

Успехи зла уже невозможно не замечать ежедневно и на каждом углу – эту дьявольскую гримасу его торжества над Христовым народом. Что ж мы идём, как безмозглые бара-

ны, за рогатым, предавая всё святое и основательное? Или молчаливым соглашением с врагом надеемся позже повернуть вспять? Или кто-то вместо нас ценой своей жизни освободит нас от бесовского прессы и плена?

Не стоит сомневаться, что РФ, созданная на лжи и обмане, крови и руинах Родины, называвшейся тогда СССР, рухнет, как «дом на песке», но что Ты сделал для того, чтобы вырвать хотя бы одного из охмурённых своих собратьев из колонны идущих смиренно во ад? Неужели не видишь, что партийный спектр Думы однороден, и каждая из партий только играет роль по мнимому удовлетворению политических взглядов одной части населения? Неужели не видишь, что от нашего, от твоего имени враги выступают на международной политической арене, в СМИ, в культуре, выдавая мерзость за Русскую Правду, за Русскую Культуру и Литературу, за Русский Взгляд, преследуя только свои антирусские интересы!? Неужели не пострадали наши дети, ныне «прививаемые» ядом, чтобы улучшить бизнес на здоровье хронически больного (психически и физически) населения? Неужели не видишь, что единственные защитники народа – Армия и Флот – превращаются в лакеев и охранников антироссийских акций и процессов? Неужели не видишь убийство народа нетрадиционным образом жизни, бессмыслицей и подменой его (Нас!) инородцами и людьми с противоположной духовной ориентацией? Неужели не замечаешь, что во святая святых – в Церкви Русской, «без Которой нет спасения», среди духовенства (судя по проповедям русских монахов) до 80% в ряде епархий – «волки в овечьих шкурах»? Неужели ты ещё не выбросил из красного угла лжеикону-телевизор, уродующий русскую душу и весь Мир Божий в своей семье, в нашем народе?..

Наше бессилие – от развалин собственной души, в несправедливости к самому себе, как храму Духа Святаго! Променяя, пропив, распяв Бога в себе, мы оказались на задворках и материальной жизни, забыв о духовной жизни во Христе Иисусе!

Враги рода человеческого делают своё злое дело по «достижению (антихристового) комфорта» как государственной цели РФ; их призывать к совести – дело пустое, а вот Мы, если не успеем ожить в совести, то разделим вечную участь с бесовскими.

Последние пророчества Евангелия всё шире реализуются под властью апологетов сатаны – всё ближе к всемирной развязке. Распяв Христа, проклятый Богом и криминализованный с момента выбора Вараввы народ, скупивший всю землю, ныне распинает последних Его последователей – «Малое Стадо» святых, оставляя выродившихся, готовых поклониться лжемессии, их отцу – дьяволу. Конфликция критической массы предателей, или массовка бесноватых, подходит к завершению – значит, приход антихриста, о приходе которого объявлено официально (кульминация сатаноглобалистской политики) близок...

У Народа Нашего есть ещё шанс стать справедливыми и вернуть справедливость в Россию, хотя «Господь несправедливо милостив» к нам, предавшим Христа, кровь и память Предков, будущее собственных детей! Есть шанс, потому что Нашу Надежду греют ради нашего спасения великие русские Подвижники, сокрытые от глаз людских, но умолившие Господа и Матерь Божью дать Нам ещё немного времени для покаяния, для исправления, для Возвращения к Себе и в Себя!

Непобедима Русь – Бог с Нами! С Правдо-Любцами!
Но грядет Битва, великая и последняя.

P.S. Храните Веру Православную, не позволяйте бесу управлять вами, и Господь откроет Нам путь к Себе и друг к другу – путь Русского Спасения! Аминь.

о. Владимир.
Челябинская область.

Лето в родном краю

ПОЧЕМУ РУССКАЯ ИЗБА НАЗЫВАЕТСЯ ИЗБОЙ

Многие слова нам знакомы с самого раннего детства, и мы настолько к ним привыкли, что бывает, и вовсе не задумываемся о их значении. Однажды я спросил себя: почему русская крестьянская изба называется именно избой, а не как иначе. И пришли в грешную мою голову такие любопытные рассуждения. В древности простой народ, большей частью безграмотный или малограмотный, не имел возможности изучать Священное Писание непосредственно по книгам, не каждый мог иметь Евангелие в своем доме. Но имея прекрасную память (не загрязненную бурным потоком информации, как в настоящее время), слыша в храмах Евангельские чтения, дабы сохранить и утвердить их в своем сознании и сердце, переносил их в повседневный быт. Этот опыт был перенят, вероятнее всего, от древних монахов-аскетов.

Давайте посмотрим на крестьянское подворье. Во двор (ограду) можно войти только через ворота. Слово ворота – вращать, воротиться, ворочать. То есть, воротиться, вернуться с улицы (улица – улика, уличение) Вспомним притчу о блудном сыне: сын, уличенный совестью, воротился в отчий дом. Идем дальше и заходим в сени – «люди сидящие в сени смертей». Опять тот же блудный сын, он уже близок ко встрече с отцом, но все еще ощущает себя идущим во мраке (сени, как правило без окон, темные), он еще не услышал слов прощения. И вот входит в избу – избавление, избавить. Заметим, что двери в крестьянских избах были очень низкие, а пороги высокие. Входящий человек должен был низко поклониться и согнуть колени, переступая порог. И так через поклонение отчужденности, отцу – он получает из-

бавление от грехов и уже с очищенной душой входит в горницу – горнее место (сионская горница – где Господь наш Иисус Христос совершил Тайную Вечерю со Своими учениками и Святыми апостолами). Заметим, что отдельное место в избе, кухню, в древности, да и ныне в некоторых деревнях, называют кутью (кутья). Что такое кутья и ради чего приготавливается – все знают и нет надобности пояснять.

И еще один небольшой вопрос: откуда в русских семьях появился обычай снимать обувь при входе в избу? А давайте вспомним, что сказал Господь Моисею, когда тот хотел приблизиться к неопалимой купине: «...изуй сапоги от ног твоих: место бо, на немже ты стоиши, земли свята есть». Для русского человека жилище его было по-евангельски осознаваемо малой церковью, очищено Светом Истины, молитвой, покаянием. Ныне же все это забыто или почти забыто. Названия остались, но суть утрачена. Хотя, впрочем, кто нам мешает возродить свои древние традиции? Да никто. Научно-технический прогресс (инвалидная коляска для всего человечества) действительно стоит некоей преградой, но, однако ж, если научиться молитвенно смотреть на весь современный видимый мир взглядом наших благочестивых предков, обоживая все свои дела, мысли, желания (богоугодные), то наша жизнь не станет хуже, а напротив будет чище, светлее, праведнее. И в наших избах всегда будет жить неведомо и невидимо благодать Божия. Да поможет нам Господь. Простите меня, дорогие братья и сестры, и прошу святых ваших молитв.

Сергей Абрамов,
пос. Барсово, Сургутский район.

Владимир Токтарев

СЕНОКОСНАЯ ПОРА

Светлой памяти мамы моей
посвящаю

От Ивана до Петра –
Сенокосная пора.
Ладит косы вся деревня,
Мелодичный звон с утра!

Мама встала с петухами,
Дел-то, дел невпроворот:
Чуть управилась с коровой,
Глянь, в луга спешит народ!

На Бабаевку, на гору,
Потянулись прямиком –
На машинах, на подводах,
Только мы одни – пешком.

На покосе, за горою,
Разнотравная краса:
Серебром горит, сияет
Первой свежести роса!

Да когда тут любоваться,
Заедают комары!
До березок бы добраться,
До полуденной жары...

Добрались... И, пообедав,
Вновь взялись
за тяжкий труд.
Снова долгую беседу
Косы с травами ведут.

Вот к закату
солнце клонит,
Направляемся домой.
От натуги плечи ломит,
Но довольны мы собой!

После баньки разомлели,
И уж кто-то речь повел:
«За неделю б всё успели,
Лишь бы дождик
не подвёл!..»

Спит усталая деревня,
Спят в прокосах клевера.
Завтра вновь нам
в чисто поле...
Лето – страдная пора!

г. Екатеринбург.

Правнук последнего (царского) Тобольского губернатора Ростислав Вадимович Ордовский-Танаевский-Бланко. На снимке 1976 года Ростислав – кадет военного училища в Каракасе (Венесуэла). В настоящее время живет в Москве, предприниматель, оказывает большую благотворительную помощь патриотической деятельности русских за рубежом, их связям с Россией.

Александр Пушкин

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?*

*Не в наследственной берлоге,
Не среди отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,*

*На камнях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разбойничьим мостом.*

*Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непворонный инвалид.*

*Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.*

*Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?*

*То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!*

*То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..
1830*

Тюмень
Литературная

Учредители: Тюменская ассоциация литераторов, коллектив редакции.

Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РСФСР 29.10.91 г.

Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют: коллектив редакции, Тюменская и Ханты-Мансийская писательские организации.

Газета отпечатана в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6. Подписано в печать 19.06.2007. Тираж 350 экз. Заказ № 892.

Цена свободная.

Компьютерный дизайн и верстка С. Н. Пятковой. Корректор В. П. Бумагина.

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят и не рецензируются. Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов.

